

Центр
независимых
социологических
исследований

**«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ**

Мнения населения и экспертов

**По материалам конкретного
социологического исследования подростковой преступности**

**Санкт-Петербург – Саратов – Ульяновск
2004**

УДК 343.915
ББК 67.51

«Преступление и наказание» несовершеннолетних правонарушителей: Мнения населения и экспертов. По материалам конкретного социологического исследования подростковой преступности. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2004. 60 с.

ISBN 5-98237-001-7

Брошюра подготовлена на основе материалов социологического исследования «Общественное мнение о несовершеннолетних правонарушителях», проведенного в феврале – мае 2004 года в Санкт-Петербурге, Саратове, Ульяновске. Проблема преступности несовершеннолетних рассматривается с разных точек зрения: глазами самих подростков-правонарушителей, законопослушных подростков, родителей, работников правоохранительной системы, населения в целом. Брошюра будет интересна тем, кто занимается исследованиями преступности несовершеннолетних, работникам правоохранительной системы, чиновникам исполнительной, законодательной, судебной власти, а также широкому кругу читателей.

УДК 343.915
ББК 67.51

Редактирование и макет М.Ильиной.
Подписано в печать 16.06.2004. Формат 60x84/16.
Печать офсетная. Бумага тип. Гарнитура Peterburg.
Уч.-изд. л. 3,9. Усл.п.л. 3,7. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ООО «Крас-трейд».
Санкт-Петербург, ул. Туристская, д.36.

По вопросам реализации обращаться
в Центр независимых социологических исследований
191040. Санкт-Петербург, Лиговский пр., 87. Оф. 301. Т./факс 118-37-96.

ISBN 5-98237-001-7

© ЦНСИ, 2004.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение – 4

Часть 1. Официальная статистика

и общественное мнение о преступности несовершеннолетних – 5
Кто владеет информацией, тот владеет ситуацией – 5. Девочки-подстрекатели» – 8. «Лукавая статистика» и мнение экспертов – 9. Верить ли статистике? – 10. Информационные волны моральной статистики – 11.

Часть 2. Кто, что и как формирует общественное мнение о несовершеннолетних правонарушителях? – 12

«Три источника и три составные части» общественного мнения о несовершеннолетних правонарушителях – 12. Для служебного пользования» – 14. «Я и без газет об этом знаю» – 14. Дьявольское искушение «Бригады» – 14. Влияние рекламы – 16.

Часть 3. Общественное мнение об ответственности социальных институтов и причинах подростковой преступности – 16

«Его воспитала улица» – 16. Виновата ли семья? – 18. «Родители-неудачники» – 20. Яблочко от яблоньки – 20. «Он просто не может вывернуться из этой жизни» – 21. «Украл, потому что есть было нечего» – 21. Куда смотрит школа? – 22. Школьная «прополка» – 23. «Опасная стая подростков» – 24.

Часть 4. Общественное мнение о деятельности правоохранительной системы – 25

«За нас только адвокаты» – 27. Комментарии экспертов – 28. Милиция – 28. КДН живет по уставу 1967 г. – 30. Суд и судьбы – 31. Какую провинность считать преступлением? – 33. СИЗО – 34. Воспитательная колония – школа преступности? – 34. «Рецидивная преступность – брак в работе правосудия» – 36. Иллюзия надежды на себя – 38.

Часть 5. Что общество ждет от системы правосудия в отношении несовершеннолетних или какие «флаги на башнях»? – 39

Сажать или перевоспитать? – 39. В поисках справедливости – 42. У детей своя справедливость – 43. Экспертная оценка экспериментов – 46.

Часть 6. Выводы и рекомендации – 48

Что делать с подростковой преступностью? – 48. Смягчать меры наказания или ужесточить? – 49. Что предлагают профессионалы? – 50.

Вместо послесловия (Я.И.Гилинский) – 57

Библиография – 60

ВВЕДЕНИЕ

«Мы, безразличные взрослые, будем выращивать поколение, которое будет нам давать и давать новых преступников, это будет только возрастать.

Только безразличное отношение ко всему – это наше будущее»

(из интервью с судьей)

Среди пороков современного общества проблема подростковой преступности занимает особое место. Для каждого из родителей услышать вместе со словами «подросток», «сын», «дочь» слова «следственный изолятор», «суд», «приговор», «учреждения исполнения наказаний для несовершеннолетних» – это кошмарный сон. К сожалению, только в прошлом году для тысяч семей в нашей стране это стало жестокой реальностью.

Мы все хотим, чтобы было меньше подростков, проводящих отрочество за колючей проволокой с номерами на черных робах, и их несчастных родителей. Но хотеть мало. Надо знать реальную ситуацию, понимать причины, предвидеть последствия политических и управленческих решений. Цена ошибки скажется на самом главном – нашем общем будущем.

Что наше общество знает о несовершеннолетних правонарушителях, о причинах, толкнувших их на преступление, как оценивает работу правоохранительной системы, какие меры профилактики подростковой преступности считает наиболее эффективными, как относится к лишению подростков свободы за правонарушения? Эти и многие другие вопросы стали целью нашего исследования, проведенного в трех городах: Санкт-Петербурге, Саратове, Ульяновске. Основанием нашего выбора было желание сравнить большие и средние по численности населения регионы, где проводились эксперименты по ювенальной юстиции (Санкт-Петербург и Саратов) с теми, где их не было (Ульяновск).

Уникальность исследования заключается в том, что одновременно были проведены *анкетный опрос населения по репрезентативной выборке* (1500 чел.) и *интервью с экспертами* из числа сотрудников правоохранительной системы, работников образования, родителей несовершеннолетних правонарушителей и представителей общественных организаций (100 чел.). Результаты исследования были дополнены *опросом самих подростков*, как «законопослушных», так и тех, кто состоит на учете в милиции, осужден

за преступление и отбывает наказание (547 чел.). Это позволило взглянуть на подростковую преступность с разных точек зрения.

Поэтому мы считаем, что наши комментарии и выводы отражают повседневную работу по профилактике правонарушений, раскрытию преступлений и исполнению наказания в отношении несовершеннолетних. Это действительно «голос снизу», голос тех, кто на практике выполняет приказы министерств и ведомств по совершенствованию, модернизации и реформированию системы правосудия, и тех, кто стал объектом этой деятельности.

В нашей брошюре представлены только основные и наиболее важные результаты и выводы исследования. Мы решили сосредоточить внимание читателя на статистически значимых различиях в ответах респондентов, поэтому региональные особенности, зависимость мнений от пола, возраста или сферы занятости представлены нами лишь выборочно. Полный анализ результатов исследования будет представлен в серии научных статей и монографии.

Мы хотим выразить глубокую благодарность областной и городской администрации Санкт-Петербурга, Саратова и Ульяновска, руководителям подразделений УВД и УИН, отделов образования и директорам школ этих городов, всем нашим экспертам и многим другим неравнодушным к проблеме подростковой преступности людям, благодаря помощи которых это исследование состоялось.

Часть I

ОФИЦИАЛЬНАЯ СТАТИСТИКА И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Есть ложь, есть наглая ложь, и есть статистика.

Кто владеет информацией, тот владеет ситуацией

Действия по реформированию или модернизации сложных социальных систем могут принести позитивные результаты, если они опираются на достоверную информацию о сложившейся ситуации, объективное знание о существующих нормах и традициях практической деятельности внутри самой системы. Это одно из важных условий реализации пра-

вительственных программ и общественных инициатив. Правоохранительная система, безусловно, представляет собой сложный социальный организм, перемены в котором достаточно заметно отражаются на всех сферах жизни общества.

Исследование общественного мнения населения по проблемам подростковой преступности, опрос экспертов и анализ статистических данных выявили ситуацию «информационного конфликта» между оценками динамики преступности несовершеннолетних, структуры преступлений по видам, а также полу, возрасту их субъектов. В настоящий момент «информационное поле» данных о несовершеннолетних правонарушителях содержит множество мифов, слухов, искаженных представлений о положении дел в различных структурных подразделениях, отвечающих за профилактику подростковой преступности и социальную реабилитацию несовершеннолетних преступников.

Исследование выявило, что представление населения Санкт-Петербурга, Саратова и Ульяновска о размерах, динамике и тяжести преступности несовершеннолетних парадоксальным образом отличается от данных официальной статистики.

Так, 66% взрослых отметили, что за последние два года преступность несовершеннолетних повысилась; 18% указали на то, что она осталась без изменений, и только менее 3% – на то, что она снизилась. Наибольшее число опрошенных, считающих, что преступность выросла, отмечено в Ульяновске (71%).

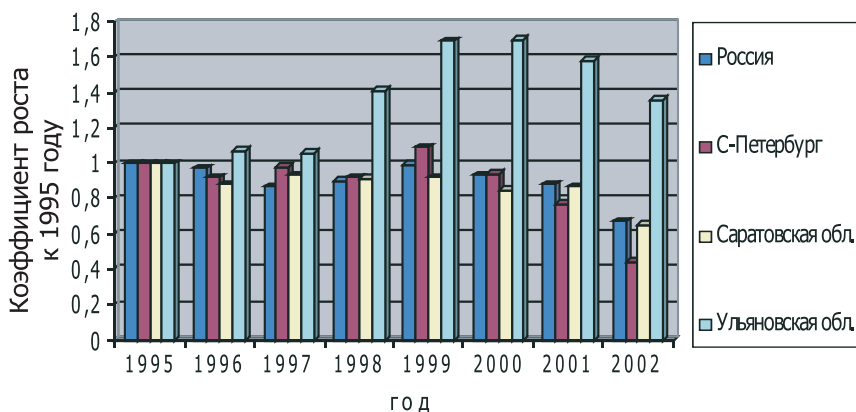
Это мнение полностью разделяют подростки, принимавшие участие в опросе. Большинство несовершеннолетних считают, что за последние два года подростковая преступность повысилась (67%).

Таким образом, опрос общественного мнения показал, что как большинство взрослых, так и большинство подростков убеждены, что подростковая преступность в их городах и в стране за последние два года выросла.

Между тем, по данным официальной статистики, показатели преступности несовершеннолетних за эти два года снизились (см. рис.1), в том числе в регионах, где проходило исследование: в Санкт-Петербурге с 4,6% в общем объеме

всей преступности в 1995 г. до 2,8% в 2002 г.; в Саратовской области – с 7,2% до 5,4%. Ситуацию в Ульяновске можно назвать стабильной: в течение этого периода подростковая преступность держалась там на отметке 6%. На рис. 1 приводятся значения коэффициента роста преступности несовершеннолетних начиная с 1995 г.

Рис. 1. Динамика числа зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними 1995-2002 г.г.

В чем же дело? Кто больше заблуждается – общественное мнение или ведомства, предоставляющие данные о размерах преступности несовершеннолетних? Около половины взрослого населения и треть подростков считают, что тяжкие преступления составляют меньшую часть всех преступлений несовершеннолетних. Большинство опрошенных (86%) убеждены, что алкоголь и наркотики в значительной степени влияют на рост преступности подростков. Причем так же думают практически все сотрудники правоохранительных органов (более 90%). Реже такое мнение высказывалось подростками (72%).

Что преступления совершаются несовершеннолетними преимущественно в группе, считают 93% опрошенных; 67% убеждены, что чаще всего преступления совершаются несовершеннолетними юношами.

Оценки подростков относительно влияния алкоголя, наркотиков, а также соотношения юношей и девушек среди несовершеннолетних правонарушителей более соответствуют официальным данным, чем оценки взрослых. Это может отражать личный опыт и наблюдения подростков за поведением сверстников, тогда как взрослые в большей степени ориентированы на другие источники информации.

Итак, собирательный портрет несовершеннолетнего преступника выглядит следующим образом: это юноша из неблагополучной семьи, который в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, в группе себе подобных совершает мелкое хулиганство, воровство и драки.

«Девочки-подстрекатели»

Важно обратить внимание на новые тенденции в гендерном аспекте правонарушений несовершеннолетних. По свидетельству экспертов, в последнее время наблюдается изменение в поведении девочек-подростков. И хотя статистические данные показывают, что доля девочек в общем объеме преступности несовершеннолетних за последние пять лет составляет лишь 8%, педагоги школ и инспекторы подразделений по делам несовершеннолетних (далее – ПДН) отмечают возросшую жестокость и рост случаев участия девочек в преступлениях в роли наводчицы или подстрекателя.

«Девочки вообще более жестоки <...> Если уже девочки дерутся, они дерутся более жестоко, как правило. Большие участвуют в правонарушениях мальчики. Девочки более хитрые, они быстрее могут исчезнуть, но если собирается девичья компания, она может оказаться более жестокой» (учитель гимназии).

Пока нельзя говорить о феминизации подростковой преступности. Но прогноз экспертов однозначен: доля девушек в статистике подростковых преступлений будет расти.

«Девочки в ближайшем будущем мальчиков догонят, потому что де-

вочки те, которые сейчас по улице ходят, девочками-то сложно назвать. Если она стоит вот тут на углу, курит и плюется, т.е. ведет себя соответствующе, далеко от этих мальчиков она не ушла» (начальник СИЗО).

Этому феномену способствует, скорее всего, изменение значения семьи, разрушение традиционных ролей отца и мужа, мужская безработица и алкоголизм. Современная культура не дает четких гендерных стереотипов и образцов полоролевого поведения в обществе. Часто в полных семьях женщина играет роль главы семьи, а в неполных семьях объединяет в себе роль отца и матери.

«Лукавая статистика» и мнение экспертов

Эксперт - это такой человек, кто не думает – он знает..

Исследователи обнаружили, что по вопросу о масштабах подростковой преступности нет значительного расхождения между мнением экспертов и мнением остального населения. Это может говорить о нынешней некомпетентности экспертов либо о высокой осведомленности населения. Скорее всего, мнения экспертов и населения складываются на основе одних и тех же источников, например СМИ, и личного опыта, без обращения к официальным источникам информации.

В пользу последнего предположения говорит анализ интервью с судьями, следователями, инспекторами ПДН, сотрудниками управлений исполнения наказания (далее – УИН), членами комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДН), адвокатами, а также школьными учителями, социальными работниками и работниками центров временной изоляции для несовершеннолетних правонарушителей (далее – ЦВИНПов) и следственных изоляторов (далее – СИЗО). К экспертной группе можно также отнести родителей несовершеннолетних правонарушителей, т.к. они непосредственно были «клиентами» правоохранительной системы и имеют специфический опыт и представление о ее работе.

Доверие к экспертам основано на том, что благодаря знаниям, практическому опыту и профессиональной интуиции они если и ошибаются, то в конкретных цифрах, но не в

качественной оценке тенденции и порядке количественных оценок объекта экспертизы. Между тем суждения экспертов противоречивы и заметно зависят от ведомственной принадлежности. Например, судья оценивает масштабы рецидивной преступности подростков в пределах 10% от всех осужденных, а адвокат считает, что повторные преступления совершают не менее 70% подростков, «уже имеющих статью». Такое сильное рассогласование в оценках экспертов – тревожный симптом (данные статистики свидетельствуют, что рецидивная преступность среди несовершеннолетних составляет 16–18%).

Большинство экспертов проявляют мало интереса к анализу общей информации о преступности, она не востребована в их практике:

«Такую статистику мы не ведем, она нам не нужна», «сейчас под рукой нет цифр, да и так видно», «сказать не могу – тут целое обследование надо проводить», «это не к нам, это в Госкомстат вам обращаться надо».

Оценка роста преступности подростков строится в основном на повседневном наблюдении и собственных критериях. Например, аргументом в пользу роста преступности является увеличение тяжести преступлений и рецидивов:

«Сказать Вам точно не могу, у меня нет цифр, но то, что мы видим здесь как работники изолятора, мы видим большой процент рецидивов. Те же статьи, или статьи более тяжелые, т.е. подростки к нам очень часто попадают, вторично допустившие правонарушения, с условными сроками. Вот. Тут уж точно это не уменьшение преступности, это ее рост, я считаю» (психолог СИЗО).

Верить ли статистике?

В какой мере статистика отражает реальный уровень преступности? Достоверность информации о числе подростков, отбывающих наказание в колониях и спецшколах, нельзя подвергать сомнению. Но сами по себе эти цифры не имеют прямой связи с уровнем преступности: наполняемость колоний в большей степени говорит о действующей политике наказаний.

Например, были внесены изменения в законодательство в сторону гуманизации по отношению к малолетним преступни-

кам. Это декриминализация правонарушений или изменение статьи УК по тяжести преступления. Не следует также забывать, что уголовная ответственность начинается с 14 лет. Поэтому правонарушения 10–13-летних не отражены в статистике МВД. Однако потерпевшие или свидетели правонарушения далеко не всегда могут отличить 13-летнего подростка от 15-летнего. А так как преступность, по мнению экспертов, за последние годы значительно помолодела, то население может говорить о росте правонарушений среди подростков. Кроме того, в статистике преступности находят отражения политические кампании, которые могут влиять на решения судов.

Фактор доверия населения к правоохранительным органам играет здесь не последнюю роль. Известно, что не все потерпевшие от малолетних преступников обращаются в милицию. На фоне падения доверия к милиции статистика может говорить о снижении подростковой преступности, хотя на самом деле она может расти или оставаться на прежнем уровне. Кроме того, в милиции регистрируются не все случаи правонарушений. Это связано с нежеланием органов снижать показатели раскрываемости преступлений или с нехваткой ресурсов для повышения выявляемости правонарушений.

Поэтому при оценке статистики надо делать поправку на изменения в действующем законодательстве и политической ситуации в стране. С учетом этих поправок можно утверждать, что реальный уровень преступности выше, чем показывает статистика [Лунеев 1997; Гилинский 2002; Гаврилов 2001].

Информационные волны моральной статистики

Еще одним объяснением противоречий между общественным мнением и статистикой можно считать общие закономерности процесса формирования общественного мнения. Сравнивая результаты массовых опросов, данные статистики и мнения экспертов, можно заметить, что общественное мнение «запаздывает» с оценкой масштабов преступности. Например, по оценкам экспертов, пик подростковой наркомании пришелся на 1997–1999 гг. В конце 2001 г. наметилась тенденция спада, особенно среди подростков и молодежи. В

2002 г. главный нарколог города Энгельса говорил, что у него *«в стационаре раньше лежали 30% алкоголиков и 70% инъекционных наркоманов, а сейчас наоборот»*. Между тем именно в этот момент общественность считала, что в стране отмечается общий рост наркомании и связанной с ней преступности. В конце 2003 г. эксперты стали отмечать новый рост химической зависимости среди молодежи, тогда как в общественном мнении существует представление о том, что молодежь в это время переключилась с наркотиков на пиво.

Из этого следует, что прямое сопоставление статистики и результатов опросов общественного мнения не имеет смысла, если не учитывать разницу в источниках формирования и особенностей отражения реальности. Сегодня у общества нет целостной картины подростковой преступности. Официальная статистика, эксперты и население имеют каждый свой собственный противоречивый и неполный социальный портрет несовершеннолетнего правонарушителя, сотканный из мифов, субъективных представлений, идеологических стереотипов и разноречивых фактов.

Часть 2

КТО, ЧТО И КАК ФОРМИРУЕТ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЯХ?

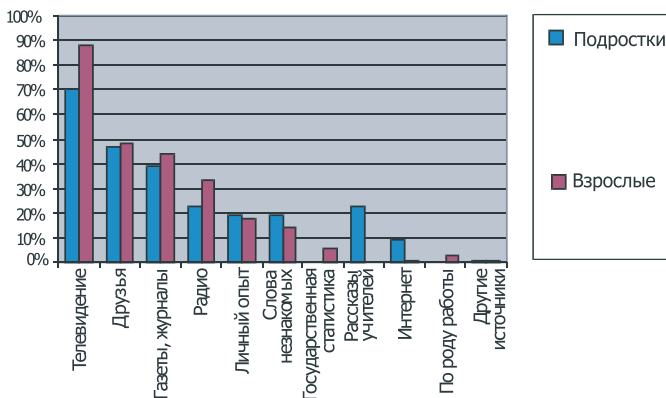
«Три источника и три составные части» общественного мнения о преступности несовершеннолетних

Репрезентативный опрос, проведенный в Поволжье и Санкт-Петербурге, показывает, что в своем мнении об уровне подростковой преступности как взрослые, так и подростки опираются на три источника информации: телевидение, круг общения и прессу.

В представленной ниже гистограмме перечислены и другие инстинктивные источники информации о подростковой преступности, но телепередачи, друзья, коллеги, соседи, газеты, журналы, явля-

ются несомненными лидерами в формировании общественного мнения по данной проблеме (см. рис.2.).

Рис. 2. Источники информации взрослых и подростков о преступности несовершеннолетних

Результаты опроса свидетельствуют, что ТВ является основным источником информации независимо от возраста или личного опыта. Между тем некоторые различия все же можно найти. Так, чаще называют телевизор источником информации о подростковой преступности «законопослушные подростки» (81%) по сравнению со сверстниками, состоящими на учете (внутришкольном или в милиции) и условно осужденными (62%), с заключенными колоний и учащимися закрытых спецшкол (50%).

Вопреки мифу о буме Интернета в молодежной среде, из «сети» узнают о преступлениях несовершеннолетних 12% «законопослушных подростков», 6% подростков, которые в той или иной степени вошли в конфликт с законом. Сведения о подростковой преступности из этого источника черпают менее 3% взрослых.

Следует отметить, что среди занятых в правоохранительной сфере собственная милицейская или государственная статистика о преступности несовершеннолетних занимает 23% среди других источников информации. Среди других взрослых рес-

пондентов государственной или милицейской статистикой интересуются от 5 до 7% .

«Для служебного пользования»

Мы уже отмечали, что сотрудники правоохранительной системы в своих оценках тоже учитывают информацию СМИ, в частности ТВ, но для них более значимым являются служебные источники информации. На первом месте стоит личный опыт. Скептическое отношение к официальной статистике, в том числе ведомственной, эксперты объясняют дозированнойностью данных общего характера при передаче от вышестоящих к нижним звеньям ведомства. Кроме того, складывается впечатление, что представители различных структур в МВД и Министерстве юстиции имеют весьма фрагментарную картину о состоянии преступности, ограниченную участком их собственной работы:

«то, что происходит, например, в милиции там или где-то еще, не знаем» (воспитатель СИЗО).

«Я и без газет об этом знаю»

Второй по значимости источник информации о преступности несовершеннолетних – круг общения. Это родственники, друзья, знакомые, которые либо что-то слышали и знают об этой проблеме, либо сами сталкивались с преступлениями подростков. Каждый второй подросток, независимо от пола, лично был свидетелем совершения несовершеннолетними противозаконных действий. 51% опрошенных «законопослушных» подростков лично наблюдали противозаконные действия сверстников, и их представление о росте преступности исходит непосредственно из окружающей среды. О криминогенности среды можно судить и по тому, что среди подростков, попавших в поле зрения правоохранительных органов, свидетелей правонарушений сверстников уже практически две трети.

Дьявольское искушение «Бригады»

Большинство экспертов склоняются к мнению, что современные СМИ, особенно ТВ, скорее способствуют, чем препятствуют росту подростковой преступности.

Сегодня привычное дело ругать телевидение за низкопробные, пошлые и безнравственные передачи, фильмы и программы, пропагандирующие жестокость, насилие, порнографию и делающие привлекательными образы разбойников и душегубов. Давно уже утвердилось представление о том, что отечественное телевидение превратилось в «социально безответственный бизнес». Вопрос о том, «как наше слово отзовется», по мнению наших респондентов, волнует редакции телевизионных каналов в последнюю очередь.

Между тем общество столкнулась с новым явлением, имя которого – «Бригада». В этом сериале мы встретились с высоким искусством талантливых актеров, сценаристов, режиссеров, создавших убедительные, привлекательные и дьявольски обаятельные для подростков образы членов организованной преступной группировки. «Волшебная сила искусства» заставила подражать Саше Белому, Космосу и другим «хорошим» бандитам тысячи подростков, играющих в «Бригаду». А многих из них толкнула на преступление «не понарошку». Вот что говорит об эффекте от просмотра фильма начальник ОППН Ульяновска:

«После этого фильма у нас сразу ЧП было. Группа подростков своего же друга убили, замолотили его битами. Подожгли – он не сгорел, тогда его расчленили и разбросали по лесу. Вот вам и фильм «Бригада». Они себя и называли бригадой».

Никто не отрицает право художника отражать реальность такой, как она есть и как он ее видит, никто не отрицает факт существования организованных преступных группировок. Фильмов на эту тему было немало, как наших, так и зарубежных. Но наши респонденты выделяют «Бригаду», именно она заставила серьезно задуматься о цензуре СМИ даже убежденных демократов из числа наших экспертов.

Нельзя сказать, что программ и передач, поднимающих проблемы подростковой преступности, нет вообще. Эксперты перечисляли актуальные репортажи и диспуты, где эта проблема обсуждалась достаточно грамотно. Однако их доля в сетке вещания ничтожно мала. Подростки, склонные к рискованному поведению, смотрят не их, а фильмы типа «Бригады» и подоб-

ные интерактивные шоу. Между тем восприятие этих фильмов и программ взрослыми и подростками значительно различается, поскольку последние в силу малого жизненного опыта не обладают критичностью взрослых и более склонны к подражанию. Передач и фильмов, учитывающих особенности восприятия подростков, по мнению экспертов, явно недостаточно.

Влияние рекламы

Другой наиболее часто повторяющейся в интервью с экспертами темой влияния СМИ на рост подростковой преступности является реклама. Особенно часто звучали упреки в адрес коммерческой рекламы пива. Многие респонденты прямо обвиняли рекламодателей в провоцировании «пивного» алкоголизма среди подростков и молодежи. Например, члены КДН указывали на противоречивую ситуацию, когда центральные каналы, контролируемые государством, непрерывно тиражируют рекламу пива, обращенную к молодежной аудитории, но то же государство накладывает административные штрафы на подростков за то, что они, как в рекламе «продвинуто», пьют «Клинское» или веселятся вместе с «Туборгом».

Следует отметить, что реклама благодаря использованию социально-психологическим механизмов повторяемости, убедительности, запоминаемости, эмоциональности оказывает на подростков эффект внушения, заражения и подражания в большей степени, чем на другие возрастные группы.

Часть 3

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ И ПРИЧИНАХ ПОДРОСТКОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

*«Ребенок, какой бы он не был мерзопакостный, –
это все равно результат чужой работы»
(из интервью с экспертом)*

«Его воспитала улица»

В СССР существовало расхожее мнение, что если ребенок «встал на скользкий путь», то вина за это лежит на семье, улице, школе или милиции. Если «семья и школа» недогля-

дят, не воспитают и не научат, то за подростка возьмется «улица», которая по-своему воспитает и научит так, что «хорошего не жди, если милиция вовремя не остановит».

Результаты исследования подтвердили это только частично. Действительно, и сегодня российское общество видит основную причину роста подростковой преступности в неблагополучной в материальном и моральном отношении семье. Практически 90% взрослых считают, что основная ответственность за это явление в жизни общества лежит на семье. При этом и каждый второй опрошенный подросток считает, что в том, что сверстники совершают правонарушения, виновата именно семья. На второе место примерно 40% подростков и 70% взрослых, не столкнувшихся с законом, ставят непосредственное окружение (улица, друзья). На третьем месте местные органы власти, призванные обеспечить сферу досуга (70% взрослых и более 30% подростков), и на этом сходство взглядов «отцов и детей» заканчивается. На четвертое место у подростков (более 30% опрошенных) выходят суд и милиция, а у взрослых СМИ (около 70% респондентов). Подростки же ставят СМИ на одно из последних мест.

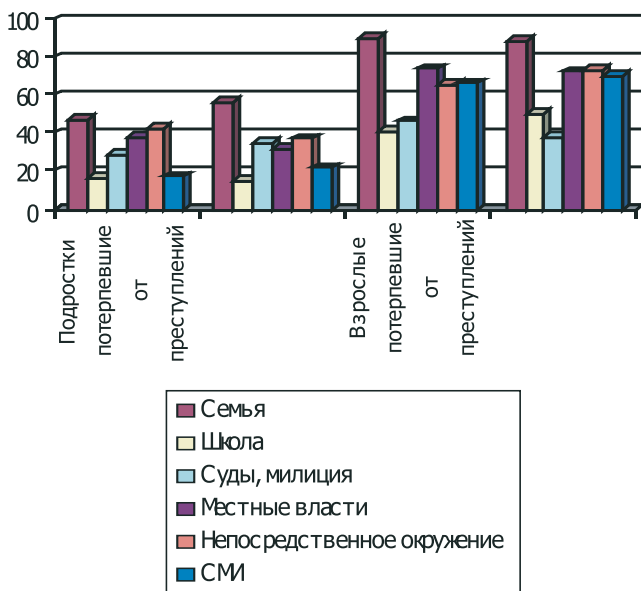
О разнице в восприятии детьми и взрослыми влияния СМИ на подростковую преступность было сказано выше. Но каким образом сама правоохранительная система может способствовать преступности несовершеннолетних? Кстати, вину за это на правоохранительные органы возлагают почти половина опрошенных взрослых (46%), имеющих личный опыт в данном вопросе, и 38% респондентов, представляющих «взгляд со стороны». Но если для взрослого ответственность правоохранительных органов предположительно состоит в недостатках профилактической работы и недостаточных мерах пресечения, то почему сами подростки считают милицию или суд причиной преступности? Это предмет отдельного анализа.

Школа потеряла свои позиции в ответственности за воспитание детей – у подростков и взрослых она находится на последнем или предпоследнем месте (см. рис.3). Эксперты перечисляют те же причины, что и участники опроса населения, добавляя к этому списку особенности личности и ответствен-

ность самого подростка. Эксперты из числа сотрудников правоохранительных органов, судей и адвокатов, близко знакомые с проблемами подростковой преступности, отмечают, что каждая из перечисленных причин преступности несовершеннолетних порождает свой вид преступлений. Например, судья считает, что

«разные преступления – разные причины: воровство – материальные причины, убийства – алкоголь, драки – потребность подростков в самоутверждении».

Рис. 3. В какой мере ответственны за преступность среди несовершеннолетних

Виновата ли семья?

Поколение родителей, родившихся в 1970-х, разучилось воспитывать своих детей, а поколение родившихся в 1980-х – их любить.

(из интервью с соц. работником)

«Родители не умеют любить своих детей», – эти горькие слова социального педагога из Санкт-Петербурга отражают основное мнение экспертов: рост преступности есть отражение

кризиса роли семьи [Голод 1996, 1998]. Нам кажется очень важным подчеркнуть поколенческий аспект этого кризиса.

Эксперты приводят примеры прямой связи между преступностью несовершеннолетних и отказом или уклонением родителей от воспитательной функции. У многих родителей отсутствуют навыки личностного общения с ребенком, привития ему необходимых ценностных установок, правил поведения в обществе, толерантности и уважения к другим людям. Иногда это самоустранение от воспитательного процесса связано с необходимостью бороться за выживание – зарабатывать деньги, чтобы прокормить семью, поэтому проблемы воспитания и заботы о психическом и нравственном здоровье ребенка отступают на второй план.

Кроме того, есть категория

«обеспеченных семей, где муж и жена, допустим коммерсанты, бизнесмены, имеющие хороший заработок, но они настолько погружены в это свое дело, что совершенно не занимаются воспитанием детей» (адвокат).

Нередко родители просто не желают прилагать усилия для воспитания детей и следить за их поведением вне дома, контролировать круг общения, и тогда роль «воспитателей» и ответственность за судьбу детей ложатся на государство и общество:

«Если они сдали его в детский дом, приют, в конце концов, в колонию, <...> бывают такие случаи, были и есть, что иногда, ребенку освободиться, а <...> родители иногда на ушко нас просят: «А нельзя ли еще его подержать?». Представляете?! Просят оставить в колонии!» (начальник колонии).

Не случайно результаты опроса общественного мнения показали, что для взрослых, у которых нет в ближнем кругу общения несовершеннолетних правонарушителей, «улица и друзья» стоят как причина подростковой преступности на втором месте (73% опрошенных), а для «потерпевших» родителей – лишь на четвертом. Это говорит о том, что в «неблагополучных» (с точки зрения закона) семьях недооценивается роль непосредственного окружения ребенка.

Из бесед с экспертами можно выделить «группу семейного риска», где неблагоприятные факторы «воспитания» могут стать причиной подростковых правонарушений. Это семьи, в кото-

рых родители не заботятся о развитии детей в соответствии с их возрастом, особенно если дети и подростки с проблемами в физическом и умственном развитии или проявляющие отклонения в поведении. Это семьи, где дети не защищены с жилищной или материальной точки зрения, и наконец это дети, чьи родители злоупотребляют алкоголем или наркотиками, морально деградируют и подвергают своих детей физическим издевательствам или сексуальному насилию.

Значение семьи особенно отчетливо можно увидеть на примере детей, которые ее не имеют. Подростковая преступность воспитанников детских домов остается сегодня одной из самых высоких: из десяти воспитанников девять либо совершают преступление, либо становятся наркоманами, либо прибегают к суициду.

«Родители-неудачники»

Другой причиной, связанной с воспитательной ролью семьи, называлась потеря авторитета родителей в глазах детей, прежде всего по критерию их умения «устроиться в этой жизни». «Революция притязаний» нового поколения требует высокого материального достатка семьи, *«чтобы было все и сразу»*. Ценности «разумных потребностей», «трудовой морали» родителей вошли в противоречие с ценностями периода «развития капитализма в России», где мерилom успеха служит достаток.

Кроме того, моральная атмосфера в семье, где родители утратили «веру в завтрашний день», приводит к тому, что подростки считают родителей неудачниками, примером того, «как не надо жить».

«У подростков теряется авторитет родителей. Каким образом? Если он сам себя считает потерянным, взрослый человек, то подросток не хочет его примера. Он уважает своих родителей, но тем не менее он видит, что отец, мать потерялись и не могут найти себя в этой жизни» (адвокат).

Яблочко от яблоньки...

Иногда родители дают пример преступного поведения. По утверждениям экспертов, есть большая вероятность того, что

дети из асоциальных семей, где родители пьют или имеют опыт пребывания в тюрьме, повторяют их путь:

«Очень много у нас таких ситуаций складывается, когда родители, будучи несовершеннолетними, стояли на учете. И вот их истории теперь повторяют их дети» (инспектор ОППН).

Статистика показывает, что у 31% детей, стоящих на учете в инспекции ПДН, родители – правонарушители, у 41% отбывающих срок в колониях кто-то из родителей и близких имеет судимость, а среди законопослушных детей таких только 13%.

«Он просто не может вывернуться из этой жизни»

(из интервью с учителем)

Практически все эксперты вне зависимости от ведомственной принадлежности указывают, что последствия разрушения СССР, капитализация экономики, трансформация идеологии привели к падению нравственных устоев, общественной морали, что негативно повлияло на подрастающее поколение. Как выразилась член областной КДН,

«мы заслуживаем гораздо большей молодежной преступности, чем сейчас имеем, все пока сдерживается прежней системой воспитания и профилактики».

Болезненное восприятие экспертами даже частичного ухода государства из сферы социальной защиты населения объясняется тем, что сети социальной поддержки семьи в СССР, кроме неформальной помощи родственников и друзей, включали в себя (в основном через трудовые коллективы) формальные государственные институты, которые на определенном уровне решали проблемы семьи (обеспечение жильем, работой, образованием, медицинской помощью и отдыхом). Детские дошкольные учреждения, школа, внешкольные спортивные секции, досуговые студии и кружки по интересам, общественно-политические организации во многом брали на себя задачи воспитания детей, в той или иной мере компенсируя неблагоприятное положение семьи.

«Украл, потому что есть было нечего»

Часто можно слышать: *«Украл, потому что есть было нечего».* Общественное мнение и многие эксперты называют

обнищание населения основной причиной подростковой преступности. Однако некоторые эксперты указывают на то, что зависимость уровня преступности от уровня благосостояния граждан не столь очевидна.

«Совершают правонарушения дети из неблагополучных и благополучных семей, примерно 50 на 50» (групповая дискуссия в школе).

В необеспеченных семьях низкий доход семьи является возможной причиной

«безнадзорности, беспризорности детей, невнимания со стороны родителей и затем причиной преступления» (следователь).

Необеспеченность в данном случае становится дополнительным проявлением социального неравенства, а преступление – средством его устранения. Мотивом преступления является удовлетворение первичных потребностей в еде, одежде, доступе к играм и развлечениям. Однако материальное благополучие само по себе не есть гарантия законопослушного поведения подростка, т.к. в обеспеченных семьях ребенок может быть также лишен родительского внимания и заботы.

«Они откупаются от воспитания детей деньгами, компьютерами, телевизорами и т.д. Дети предоставлены сами себе, и, казалось бы, и семья благополучная, но дети предоставлены самим себе, вот в этих условиях они совершают преступления» (адвокат).

И здесь характер преступлений меняется – это преступления, отражающие дефекты морали и ценностей личности: грабежи, изнасилования, немотивированные убийства, нанесение тяжких телесных повреждений и т.п. Сотрудники милиции отмечают возрастающую жестокость и цинизм преступлений подростков из благополучных семей.

Куда смотрит школа?

Как показал опрос, школа в общественном сознании стоит сегодня на последнем месте в ряду ответственных за детскую преступность. Это свидетельствует о серьезных системных изменениях роли образовательных учреждений в воспитании подрастающего поколения. Либо общество считает, что не вправе требовать от школы усилий по воспитанию детей, не обеспечив ее необходимыми ресурсами, либо сама

воспитательная роль школы в представлении респондентов изменилась.

В любом случае, по отношению к школе общество становится в «понимающую» позицию, в отличие от непримиримой критики государства и его силовых ведомств. Тут скорее эмоциональные упреки, жалобы и пожелания обратить внимание «на проблемы в образовании».

Главный упрек школе со стороны респондентов, которые назвали ее в ряде причин подростковой преступности, – это формальное отношение к воспитанию. Родители приводят многочисленные примеры, которые, по их мнению, свидетельствуют о том, что школа стремится сбросить с себя воспитательные функции, переложить их целиком на родителей. Например, относительно вопросов воспитания и внеклассной работы респондент ответил, что

«учителям совершенно не нужна эта дополнительная нагрузка»
(инспектор ИДН).

Стремление только «учить», а не воспитывать обусловлено глубоким кризисом современной массовой школы, о чем свидетельствуют материалы фокус-групп с учителями. Особую тревогу вызывают высказывания экспертов о том, что массовая школа способна сломать личность ребенка через снижение его самооценки, утрату интереса к учебе, стигматизацию «трудного подростка» системой «несмываемых ярлыков», предвзятое отношение и проч., что запускает процесс перехода подростка в русло отклоняющегося поведения.

Школьная «прополка»

Родители малолетних преступников, сотрудники правоохранительной системы и учителя говорят о том, что сегодня школа стремится избавиться от проблемных детей, особенно если они попали в поле зрения правоохранительных органов. Практически отсутствует статистика подростковой преступности в гимназиях и лицеях, что свидетельствует не о полном отсутствии там правонарушений (драки, кражи и прочее бывают и там), а о стремлении администрации не портить репутации заведения.

Массовая школа, напротив, если не может справиться с подростком традиционными мерами, заинтересована в скорейшей постановке его на учет в милиции, т.к. в этом случае она получает легитимную возможность избавления от «трудного подростка» или хотя бы дополнительный рычаг воздействия на него и его родителей.

Основные инструменты школьной профилактической работы – беседы, разговоры, увещания. Школьный Совет профилактики может принять следующие меры: предупреждение, выговор, направление на заседание КДН. Эффективность этой системы эксперты оценивают невысоко:

«На совете профилактики мы выговоры можем вынести, предупреждения. А предупреждение заключается в том, что [речь идет] о направлении их на КДН. Не хочешь там стоять, давай тут стой. Исправляйся, ходи в школу, не совершай правонарушения. То есть у нас вот это только есть, а так чем еще, ничем? Разговорами, увещаниями, а так какое наказание? Ни у Комиссии нету, ни у нас нету никакого действенного наказания» (социальный педагог школы).

Встречаются и меры наказания, оказывающие обратный эффект:

«У нас еще есть такое наказание: мы можем на несколько дней из школы исключить. Чему они (ученики) очень рады. Сейчас я даже не понимаю, это наказание или поощрение (групповая дискссия с учителями общеобразовательной школы).

«Опасная стая подростков»

Интервью с экспертами позволяют выделить еще одну причину подростковой преступности – индивидуальные особенности несовершеннолетних правонарушителей и общие особенности подросткового возраста, провоцирующие рискованное поведение.

Во-первых, это ухудшение физического и психического здоровья молодого поколения. Причем некоторые эксперты полагают, что ситуация с ухудшением физического и психического здоровья детей и подростков в России гораздо хуже, чем показывает официальная статистика. Так, следователь прокуратуры утверждает, что

«все-таки много сейчас [подростков], это не официальная ста-

тистика, на мой взгляд, с отклонениями, неадекватными реакциями на все, на окружающий мир».

Инспекторы ПДН и милиционеры со стажем указывали, что поведение группы подростков очень трудно предсказать, «в стае» они становятся особо опасны даже для вооруженных сотрудников милиции.

Во-вторых, это потребность подростков в самоутверждении [Мертон 1996; Гишинский 2002: 257]. С одной стороны, подросток стремится «быть как все», а с другой – выделиться. Это часто толкает его на необдуманные поступки, вплоть до правонарушений, особенно если он находится в группе. Типичным примером служит случай угона машины подростками, которые покатались на ней и бросили, т.к. взяли ее из-за желания продемонстрировать перед сверстниками свои способности владения техникой:

«Он говорит своим друзьям: “Да мне легко сейчас завести и прокатить вас. У меня есть навыки. А у вас их нет”. И вот он открывает эту машину и катает на ней. У него нет в голове даже цели угнать ее, у него есть цель покатать друзей и выделиться тем самым перед ними» (социальный работник в суде).

Психолог СИЗО считает, что

«общество несет ответственность в том, что не дает подросткам легитимные пути самоутверждения. Например, через спорт, достижения в учебе и т.п. Можно писать сочинения на пятерку в школе, можно выделяться знаниями своими, а можно самоутверждаться на улице, самоутверждаться в группе подростков, самоутверждаться криминально. Потому что нет других возможностей».

Часть 4

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Оценка общественного мнения деятельности правоохранительной системы формируется под влиянием тех же факторов, что и в отношении преступности несовершеннолетних в целом. Ведущую роль и здесь играют СМИ, среди которых особенно велико значение телевидения. Более 80% опрошенных указали, что узнают о том, как правоохрани-

тельные органы работают с несовершеннолетними, из телепередач. Однако личный опыт здесь имеет несколько большее значение, особенно для тех респондентов, которые сталкиваются с этой системой по роду своих обязанностей либо в силу жизненных обстоятельств.

Каждый четвертый респондент говорил о том, что ему трудно оценить работу правоохранительных органов, т.к. он плохо представляет себе содержание их деятельности по профилактике, раскрытию преступлений и т.п. Даже эксперты затрудняются определить меру ответственности различных ведомств из-за обширного и неконкретного поля их должностных обязанностей, где «все вносят свой вклад в работу с несовершеннолетними».

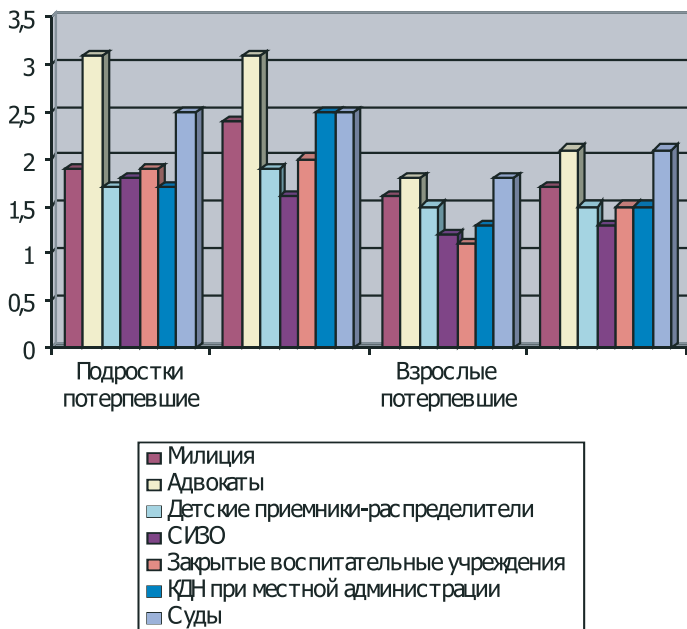
«Как-то так интересно сделано, так запутанно, что еще и ответственного не найдешь» (социальный работник о системе профилактической работы с несовершеннолетними).

Согласно ФЗ 1999 года «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», деятельностью по предупреждению подростковой преступности занимаются комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы внутренних дел, органы управления образованием, органы по делам молодежи и другие учреждения, чье участие осуществляется в порядке, установленном законодательством РФ. Эти учреждения являются составной частью общей системы правосудия в отношении несовершеннолетних, включающей и процесс судопроизводства и исполнения судебного решения.

Посмотрим, как общественное мнение оценивает работу этих ведомств. Для сравнения мнений при обработке результатов опроса населения был введен коэффициент успешности работы служб правоохранительной системы. Его значения находятся в пределах от 5 баллов («хорошо работают») до 1 балла («плохо работают»). Мы видим, что в большинстве случаев оценки близки к значениям «плохо работают». При этом взрослые более негативно оценивают работу всех служб. Подростки менее критичны в оценках, у них наиболее высокий балл получили адвокаты (3,1) и суды (2,5). Подростки, которые име-

ют личный опыт общения с системой, более низко оценивают работу милиции и КДН.

Рис. 4. Коэффициент успешности работы служб правоохранительной системы (5 баллов – высшая оценка, 1 – низшая).

«За нас только адвокаты»

Итак, опрос показал, что более половины подростков и две трети взрослых негативно оценивают работу милиции. Только немногим более 10% опрошенных довольны тем, как милиция справляется со своими обязанностями в отношении несовершеннолетних. Каждый пятый позитивно оценил деятельность КДН, СИЗО, воспитательных колоний и детских приемников-распределителей. Работой КДН недовольны 62% взрослых и 24% подростков. Чем больше личного опыта взаимодействия с системой правопорядка, тем ниже эта оценка. Более позитивно общественное мнение относится к деятельности адвокатов. 44% подростков и 37% взрослых, которые не сталкивались с подростковой преступностью, оценили работу адвокатов как хорошую.

Комментарии экспертов

Чем объяснить такую низкую оценку работы правоохранительной системы? Здесь важно отметить, что относительно одних ведомств эксперты согласны с негативными отзывами населения об их деятельности и стараются объяснить их рядом объективных и субъективных обстоятельств, например относительно работы милиции и ПДН. В других случаях эксперты выражают несогласие с общественным мнением, говоря, что некоторые ведомства делают все, что в их силах (оценка деятельности КДН и судов). Рассмотрим подробнее оценку этих ведомств.

Милиция

«Лучшая профилактика – это раскрытое преступление»
(из интервью с экспертом)

Если внутри органов правопорядка существуют четкие границы между подразделениями, то для общественного мнения милиция – это человек в милицейской форме. Участковый и следователь, инспектор ПДН или сотрудник ППС – это все милиция, которая должна заниматься профилактикой подростковой преступности и раскрытием самих преступлений. Однако анализ интервью с работниками милиции показал, что в связи с различными функциями отделов работа по профилактике правонарушений несовершеннолетних оказалась «всех одновременно и ничьей в отдельности».

Конечно, среди населения лучше всех осведомлены о том, как милиция работает с несовершеннолетними правонарушителями, сами подростки, задержанные милицией, и их родители. Большинство родителей считают, что в отношении их детей работники милиции не учитывали, что перед ними подросток. Это проявлялось в различных нарушениях, таких как надевание наручников при задержании, избивание при первом допросе, случаи вымогательства со стороны следователей, проблемы с обеспечением бесплатной защиты подростка и т.п.

Все проинтервьюированные родители указали на то, что характер их детей после столкновения с системой правосудия изменился в худшую сторону:

«как-то повлияло на него, потому что он стал как ерш <...> такой колючий. Я начинаю с ним доверительно беседовать, он уже как-то: «Вот, я такой плохой...». Как-то он даже агрессивный стал!» (интервью с матерью подростка, стоящего на учете в ПДН).

Сотрудники инспекций ПДН объясняют недостатки в работе своего ведомства целым рядом причин, главными из которых считают разрыв между декларируемыми задачами и реальной практикой, а также кадровую проблему. За последние годы произошла переориентация работы инспекторов ПДН с «практической», непосредственной работы с несовершеннолетним на работу «бумажную». Непосредственная работа с несовершеннолетним начинает восприниматься в новом контексте как «социальная», которая должна выполняться социальными службами, а не милицией:

«Если при советской власти инспектор больше занимался социальной работой: уstraивал, везде водил – то сейчас молодые инспектора, они четко отделяют – это работа социальная. У нас вот это показатели, привлечение, учет, больше администрирование, а это в социальные пункты» (инспектор ПДН).

Инспекторы говорят о том, что

«в настоящий момент требуют только раскрывать, раскрывать. Профилактики с нас никто не требует. Требуют, конечно, какой-то отчет по профилактике, сколько мы выявили безнадзорных, сколько составили протоколов, но никто не требует результатов профилактики» (инспектор ОППН).

Кадровая проблема проявляется в усилении тенденции вымывания опытных профессиональных сотрудников.

«В течение последних 10 лет очень много ушло опытных сотрудников, ушли в охранные структуры, потому что нет жилья, очень маленькая зарплата и т.д.» (инспектор ПДН).

На практике дефицит и некомплект кадров влечет за собой разрыв преемственности знаний, традиций и опыта работы инспекторов ПДН. Как отмечают наши информанты, сегодня в инспекциях обновление кадров происходит за счет молодых девушек, получивших некоторое юридическое образование и пришедших в милицию с целью наработать себе стаж:

«За такую зарплату? Сейчас в основном идут работать только девочки после юридических платных техникумов. Она в 19

лет получила так называемое юридическое образование, галопом по Европам, по верхам. Естественно, в фирмы ее никуда не возьмут в 19 лет» (инспектор ПДН).

«Молодость» инспекторов ПДН создает дополнительные трудности в общении с несовершеннолетними: разница в возрасте между инспектором и его подопечным иногда составляет несколько лет, что, по мнению наших информантов, не способствует эффективной работе с несовершеннолетними.

КДН «живет по уставу» 1967 года

Самые противоречивые суждения – о деятельности Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН). Здесь, с одной стороны, мы встречаем мнения экспертов о важной положительной роли КДН как главного координирующего органа всей работы с несовершеннолетними правонарушителями. С другой стороны, слышим призывы о ликвидации этого «звена» как пережитка советской системы профилактики преступности, у которого нет реальных рычагов воздействия на подростка.

Со стороны специалистов критика КДН сосредоточена на устаревшем (образца 1967 года) Положении о КДН. В соответствии с этим документом, до 1999 года КДН занималась разбором правонарушений несовершеннолетних, работала с родителями, не выполняющими обязанности по воспитанию детей, решала вопрос о направлении несовершеннолетнего в детский приемник-распределитель (сегодня ЦВИНП), специальные школы и ПТУ закрытого типа, т.е. функции КДН во многом были схожими с функциями суда. Закон 1999 года переориентировал деятельность КДН на защиту прав несовершеннолетних. Однако это не повлекло за собой изменения набора инструментов. Они остаются ориентированными на выявление правонарушителя, принятие к нему мер воздействия (по аналогу судебной модели) и совсем не предполагают какие-то способы обеспечения помощи несовершеннолетнему, защиты его интересов. В распоряжении КДН по-прежнему существуют следующие способы/инструменты воздействия на несовершеннолетнего: выговор, строгий выговор, штраф, на-

правление дела в суд для принятия решения о помещении несовершеннолетнего в ЦВИНП, спецшколу/ спец. ПТУ.

Таким образом, как признают сами члены КДН, этот институт, призванный помогать и защищать права несовершеннолетних, может выполнять закрепленные за ним функции в весьма ограниченном объеме.

Еще жестче оценивают КДН представители общественности и родители, которые имели собственный опыт участия в ее работе.

«Там только запугать, напугать: “Ты поедешь туда, а маму твою... то-се”. Вот и вся работа с ребенком» (сотрудник НКО).

Наш анализ показывает, что деятельность КДН сегодня сводится к контролю «учетом», что инструментально отражается во всех процедурах. Основная деятельность КДН происходит в рамках регулярных заседаний. Процедурно их схема продолжает воспроизводить старую советскую схему, когда КДН располагала функциями, схожими с судебными. Неизменный с советских времен состав членов КДН играет стабилизирующую роль в ее работе и воспроизводит старые практики обращения с несовершеннолетними и их родителями.

Поэтому можно услышать такие категоричные мнения, что КДН *«вообще надо убирать. Она создавалась по другим правилам, для других целей. Сейчас другое общество, другая жизнь, другие дети. Это надо все пересматривать. Их методы уже давно не действуют. Они только пугают и ничего больше»* (социальный работник).

Список проблем КДН можно расширить: обеспечение явки на заседание комиссии, исполнение штрафов, сами штрафы как профилактическая мера и т.п. Между тем КДН выполняет важную функцию координации всех ведомств, которые участвуют в профилактике подростковой преступности, и сегодня ей нет адекватной замены.

Суд и судьи

Я не считаю, что судьи несут какую-то ответственность за преступления, совершенные несовершеннолетними.
(из интервью с судьей)

В оценке деятельности суда и судей у различных групп респондентов есть существенные расхождения. Их смысл заклю-

чается в оценке адекватности наказания подростка судом, а также в дебатах вокруг роли суда как средства профилактики правонарушений. Респонденты, не являющиеся сотрудниками правоохранительных органов (учителя и социальные работники при суде), отмечают, что судья играет огромную роль в жизни несовершеннолетнего правонарушителя. От его решения может полностью измениться судьба, т.к. слишком суровое наказание, связанное с лишением свободы, для несовершеннолетнего губительно. Такую позицию разделяют адвокаты, которое упрекают суд в излишней суровости наказания, в том, что не используется в полной мере возможность примирения.

В то же время следователи, инспектора ОППН и сами судьи высказываются неодобрительно об излишней гуманизации суда над несовершеннолетними, когда дать реальное, а не условное наказание до 16 лет не представляется возможным даже при рецидивах, что, по их мнению, ведет к безнаказанности и распространению преступности. В профессиональном сообществе развернулась дискуссия о пользе условной меры наказания и о том, можно ли вообще эту меру считать наказанием.

«Вот он стоит передо мной – слюни по лицу размажет, «теперь я все прекрасно понял», а за дверью дружки стаями дожидаются, волнуются. Вышел – все, отпустили, да, там условно, и опять по новой. Я твердо убежден, несовершеннолетним нужно давать меру пресечения с заключением под стражу. Он тогда будет знать, что это такое, что это не санаторий» (судья).

Общественность считает, что сам судебный процесс имеет большое воспитательное значение и в этом его профилактическая роль. Однако сами судьи в своем большинстве отрицают профилактическую роль судов. Процессом воспитания судьи обеспокоены меньше всего, они считают это не своим делом.

«Да, ни черта не занимаемся мы сейчас этими вопросами. У нас нет такой функции – перевоспитывать» (судья).

Однако все эксперты, вне зависимости от ведомственной принадлежности, сходятся на том, что необходимо разделение взрослого и детского суда.

«Еще важно отметить то, что судьи очень загружены делами, занимаются и детьми, и взрослыми. В результате невольно идет

перенос взрослого суда на детский суд, то есть, может быть, с этого надо начинать. Эти суды более жестко разграничить. Надо хотя бы, чтобы специализация судей более строго соблюдалась. Может быть, были бы образованы, наконец, ювенальные суды. Буквально только несколько судей города понимают, что да, надо как-то найти другой выход, детей не сажать чтобы» (социальный работник).

Понимание судьями специфики работы с несовершеннолетним, знание возрастной психологии и наличие педагогических навыков общения с подростками непосредственным образом влияют на ход судебного заседания и выносимые решения. Заслуживает внимание и тот факт, что большинство судей никогда не бывали в спец. учреждениях и воспитательных колониях для несовершеннолетних правонарушителей, что также отражается на их представлении о справедливой мере наказания.

Какую провинность считать преступлением?

Итак, суд стремится, чтобы наказание соответствовало тяжести преступления. «Гуманизация» суда может породить безнаказанность, но тяжесть преступления для подростка и взрослого должна оцениваться по-разному. Что же общественное мнение считает тяжким преступлением для подростка, а что детской шалостью, несерьезным баловством? Опрос общественного мнения показал, что на этот счет не существует единого взгляда. Вне зависимости от возраста, пола, социального положения наши респонденты считают тяжкими преступлениями для подростков: 1) убийство; 2) продажу наркотиков; 3) уличное нападение с применением насилия; 4) квартирную кражу со взломом и кражу из киоска. Подростковыми правонарушениями средней степени тяжести взрослые граждане считают: 1) уличную драку подростков двух враждующих групп; 2) угон автомобиля; 3) кражу частей автомобиля. «Несерьезными» правонарушениями считаются: 1) повреждение уличных телефонов-автоматов; 2) кража сладостей с лотка, витрины; 3) использование поддельных документов. Сами подростки подделку документов не считают «баловством», они относят ее в ряд «преступлений средней тяжести».

СИЗО

Большинство опрошенных взрослых (63%) считают, что в отношении подростков меру содержания под стражей до суда надо применять только в том случае, если проступок представляет угрозу для общества, а 10% респондентов считают, что эта мера вообще неприменима к подросткам. Существуют множество легенд о следственных изоляторах (СИЗО), предназначенных для содержания под стражей несовершеннолетних арестованных, в отношении которых судебный приговор не вступил в законную силу. Это, в первую очередь, переполненность СИЗО. Однако эксперты считают, что число несовершеннолетних, подлежащих аресту на момент судебного расследования, за последние два года снизилось в два – два с половиной раза. Произошли некоторые улучшения в условиях их содержания: сегодня каждый арестованный имеет собственное спальное место. В СИЗО проводятся учебные занятия по школьной программе для учеников 6–11 классов. Тем не менее в целом условия содержания несовершеннолетних в СИЗО продолжают оставаться тяжелыми. Среди основных проблем – антисанитарные условия, заболевания, коррумпированность персонала.

Воспитательная колония – школа преступности?

По мнению взрослых, подросток, попавший в тюрьму, имеет мало шансов на исправление. Некоторые эксперты выступают даже за упразднение воспитательных колоний:

«Я не сторонник таких колоний, которые надо называть воспитательными. Там делать нечего подросткам! Первый раз, когда его сажают, не надо его сажать в колонию, ничего воспитательного там нет. Там окончательно гробят личность. Потому что он уже на первом году, бывают, ему дают 7 лет, а по закону условно-досрочно он может выйти через пять, а он уже испугался на первом году. Зачем ему еще 5 лет? И у него перспективы, то, что ему надо исправляться, нет. Ему еще 5 лет сидеть, и ждать, что ты сам себя перевоспитаешь. Нет. Он просто ждет милости судьбы, он ломает себя на фиг <...> Если про рецидив говорить, то на первом году небольшой рецидив. Но потом <...> любая судимость, она все равно когда-нибудь потом спровоциру-

ет <...> Он будет уже взрослым, <...> она все равно будет идти за ним всю жизнь».

Иными словами, по мнению экспертов, воспитательный эффект колонии ограничивается сроком до года. Как правило, «шок от новой реальности» проходит спустя полгода. Потом начинается адаптация к среде. После двух лет начинается необратимая деформация личности. Подросток перестает думать, «за что и почему он сюда попал», начинает думать о том, «как не попасться снова», не «лохануться в другой раз», как быть «хитрее, ловчее, умнее». Для этих размышлений времени много и «консультантов» вокруг в достатке.

Эксперты считают, что в закрытых учреждениях у нас очень неплохие условия, что, к сожалению, порой контрастирует с условиями на свободе, которые имеют дети, попавшие туда. Для многих это, как ни прискорбно, шаг вверх по лестнице комфорта. Там работают нормальные педагоги и преподаватели, которые занимаются воспитанием, дают возможность получить образование, как профессиональное, так и общее, развивают у детей интересы, хобби, находят к ним подход.

«Там сытно, опрятно, чисто, не чувствует он, что несет наказание» (следователь).

«Я сталкивалась с характеристиками детей, вот характеристики ребѣнка, которые я получала из школ, до того, как он был, вот, сплошной негатив. Вот такой ребѣнок плохой, и поведение очень плохое, с уроков он уходит, не учится и грубит, ничего его не интересует, вообще плохой, ноль, ребѣнок прям вот ужасный, да. И ребѣнок, который какое-то время проучился в марксовской спецшколе, получаем характеристику оттуда. Ребѣнок там хорошо учится, ребѣнок нашл для себя интерес, ребѣнок там выжигает по дереву, участвует в спортивных соревнованиях, и характеристика прям хорошая (социальный работник при суде).

И тем не менее среди многих респондентов, по роду деятельности непосредственно не связанных с закрытыми учреждениями, распространено мнение, что колония – это школа преступности. Ребенок там озлобляется, а не перевоспитывается. Это не значит, что нужно ухудшать условия содержания в колониях, это значит, что надо больше думать над тем, что происходит в обществе, где для части подростков условия жизни в тюрьме лучше, чем на воле.

Рецидивная преступность – брак в работе правосудия

«А в тюрьме сейчас ужин. Макароны дают».

из к/ф «Джентльмены удачи»

Взгляды общества на рецидивную преступность достаточно противоречивы. Высокий процент рецидива обычно рассматривается как брак в работе правоохранительной системы, особенно спец. учреждений. Общественное мнение считает, что одна из главных целей милиции, судов и колоний для несовершеннолетних – это перевоспитание правонарушителей. В то же время население и эксперты единодушны в том, что причины повторяемости незаконных деяний лежат вне кабинетов следователей, камер СИЗО, колючей проволоки колоний. По их мнению, большинство воспитанников колоний возвращаются в ту же среду, из которой они попали на скамью подсудимых, поэтому шансов на полную социальную реабилитацию у них немного.

Сотрудники колоний и спецшкол приводят примеры, когда их воспитанники не хотят возвращаться домой, где все осталось прежним, те же условия, которые толкнули их на правонарушение. Так, зам. по режиму спецшколы рассказывает, что когда он отвез подростка по окончании срока заключения домой, где они, войдя в дом, увидели, что среди голых стен на полу спит пьяная мать, мальчик, отсидевший три года в колонии, попросился обратно.

Сегодня в некоторых семьях бытовые условия для детей хуже, чем в колонии, что снимает страх перед ней. Может быть, поэтому городские школы уже несколько лет прекратили «профилактические экскурсии» в колонию, т.к. дети говорят:

«А чего тут не сидеть. Кормят, одевают, учат, работать не надо, даже КВНы устраивают. Был бы еще бассейн, то вообще курорт» (директор школы в воспитательной колонии).

Опрос подростков выявил три основные причины рецидивных преступлений: возвращение в прежний круг общения, трудности в поиске работы и жилья, а также приобретенный «тюремный опыт».

Рис. 5. Распределение мнений подростков о главных причинах рецидивных преступлений после освобождения из колоний

Между тем сотрудники УИН и инспекторы ПДН отмечают, что не создан своеобразный «переходник» по адаптации к «воле» отбывших наказание несовершеннолетних преступников. Молодой человек, который сел за тяжкое преступление в 14 лет, в 18 выйдет из колонии психологически и морально тем же «подростком», каким был осужден. Перед освобождением нужна специфическая работа психологов, педагогов и социальных работников для постепенного вхождения этого «подростка» в новую для него среду, и не менее года необходимо сопровождение его адаптации специальными службами. Без этой подготовки, особенно в случае, когда у него нет родственников и знакомых, способных морально и материально поддержать его в этот период, воспитанник колонии практически обречен на рецидив. Его встречает враждебный и чужой мир, которому он не нужен, а где-то есть привычная среда колонии, «где каждый вечер макароны дают». Особенно остро этот вопрос стоит перед теми, кому исполнилось 18 лет, потому что до этого возра-

ста система еще как-то держит отбывших наказание подростков в поле своего внимания, а после они предоставлены сами себе.

Иллюзия надежды на себя

Подростки в колониях в большинстве своем говорят, что надеяться они могут только на себя. Однако пребывание в колонии свыше полутора–двух лет значительно деформирует личность ребенка. Основа этой деформации – режим закрытого учреждения. По мнению некоторых сотрудников спецшколы в г.Марксе, лучших воспитанников колоний после отбытия срока следует направлять в кадетские корпуса, военные средние и высшие учебные заведения.

За этим предложением стоит представление респондентов о том, что воспитательная колония воздействует на ребенка таким образом, что лучше всего он будет себя чувствовать в армейской среде. Более того, по навыкам строгой дисциплины, привычке подчиняться приказам, отсутствию самостоятельности и инициативы вне определенных режимом рамок, по неприязнтельности в первичных потребностях воспитаннику колонии легче всего адаптироваться к требованиям воинского устава. Приводился пример «выпускника», которому удалось поступить в военное училище. Это для многих воспитанников был реальный «свет в окошке». В учреждении развернулось нешуточное соревнование по учебе и дисциплине за право быть рекомендованным в кадетское училище, жаль, что этот эксперимент был прерван.

Этот пример показывает, в какую сторону идет деформация личности воспитанника колонии и спецшколы. Эксперты считают, что реабилитация после освобождения может быть успешной при условии перехода подростка в среду, где доминируют внешний контроль над поведением, четкий распорядок дня, отсутствует необходимость самостоятельно принимать решения, заботиться об обустройстве быта. Это свидетельствует о необходимости создания реабилитационных центров, где будут постепенно смягчаться режим содержания и вестись подготовка к самостоятельной жизни.

Многие примеры говорят о том, что если юноша вскоре после освобождения создает семью, то процесс адаптации происходит гораздо успешнее, т.к. супруга компенсируют отсутствие внешнего контроля и обеспечивают бытовые условия.

Часть 5

ЧТО ОБЩЕСТВО ЖДЕТ ОТ СИСТЕМЫ ПРАВОСУДИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ИЛИ КАКИЕ «ФЛАГИ НА БАШНЯХ»?

Сажать или перевоспитать?

От того, чего ждет общество от своей правоохранительной системы, какие главные цели оно ставит в отношении несовершеннолетних правонарушителей, зависят не только ее оценка, но и степень понимания и поддержки обществом правовых реформ и модернизаций системы правосудия.

При Советской власти шестеренки правоохранительной системы были надежно сцеплены с механизмом социальных отношений. Многие из них теперь прокручиваются вхолостую, особенно это видно по практике условного наказания, которое воспринимается многими экспертами как безнаказанность. Сегодня судимость не является непреодолимым препятствием к «лифтам успеха», таким как успешная женитьба (не осуждается «выйти замуж за богатого бандита»), карьера в политике (депутаты с криминальным прошлым и настоящим), в бизнесе (комментарии излишни) и т.д. Значение «чистой анкеты» без судимости осталось столь же важным для жизненного успеха, но появилось больше обходных путей, где за деньги или с помощью связей можно добиться своих целей.

Каким образом это отразилось на общественном мнении, наглядно показывают результаты опроса. В приведенной таблице мы можем увидеть широкую палитру мнений взрослых и подростков относительно главных целей сегодняшней системы правосудия при работе с несовершеннолетними и тех, которые были бы желательны.

Таблица 1

Цели правосудия при работе
с несовершеннолетними правонарушителями (в %)

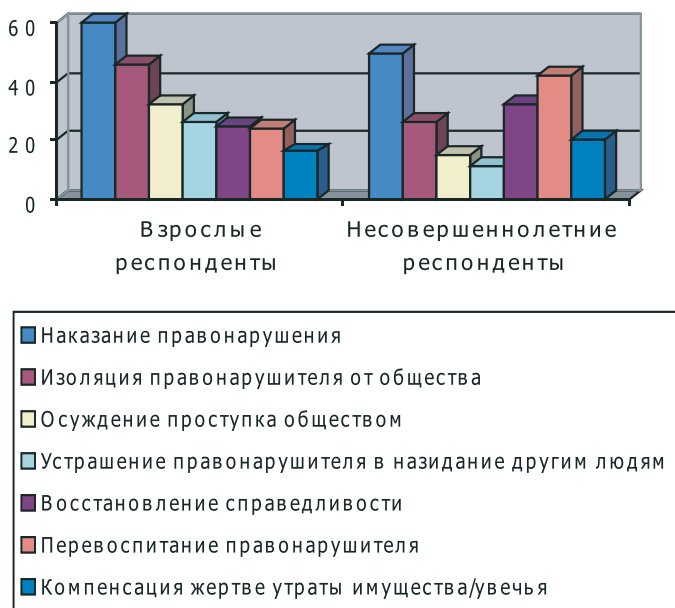
Главные цели системы правосудия при работе с несовершеннолетними	Система правосудия	
	желаемая	нынешняя
Восстановление справедливости	55	25
Перевоспитание правонарушителя	55	24
Наказание правонарушителя	39	60
Компенсация жертве утраты имущества/увечья	30	16
Осуждение проступка обществом	20	32
Изоляция от общества	19	46
Устрашение правонарушителя в назидание другим	14	26

Из таблицы следует, что современное российское общество видит в правосудии инструмент осуждения, наказания и изоляции малолетних преступников от общества. Только четверть опрошенных взрослых думают, что правосудие должно перевоспитывать, восстанавливать справедливость и служить назиданием для молодого поколения. Следует отметить, что только 16% ставят целью правосудия компенсацию жертве причиненного вреда, что косвенно свидетельствует о недостаточном учете правоохранительной системой интересов пострадавших.

Сами подростки, хотя и согласны с взрослыми, что главной целью правосудия является наказание правонарушителя, но следом ставят не изоляцию и осуждение, а перевоспитание и восстановление справедливости. Только 11% рассматривают правосудие как инструмент устрашения и назидания.

Таким образом, подростки надеются, что правосудие накажет преступника, но это наказание будет справедливым и поможет тому перевоспитаться. Взрослые же ждут, что несовершеннолетний правонарушитель будет выявлен, осужден, наказан и изолирован от общества, что послужит назиданием другим. Только каждый четвертый опрошенный взрослый ожидает, что система правосудия может перевоспитать подростка, справедливо наказать его за нарушение закона и компенсировать причиненный ущерб.

Рис. 6. Главные цели действующей системы правосудия при работе с несовершеннолетними (% согласившихся от общего числа ответивших)

Итак, согласно общественному мнению, главная цель нынешней системы правосудия – это наказание правонарушителей и изоляция преступника от общества. В то же время каждый второй опрошенный хотел бы в качестве главных целей желаемой системы правосудия видеть восстановление справедливости и перевоспитание правонарушителя. Т.е. нынешняя система правосудия в отношении подростков оценивается респондентами как карательная, а желаемая – как перевоспитывающая.

Опрос показал, что значение восстановления справедливости для подростков на порядок важнее, чем для взрослых, это говорит о том, что в обществе и внутри системы существуют серьезные разногласия в понимании справедливости в отношении наказания несовершеннолетних правонарушителей.

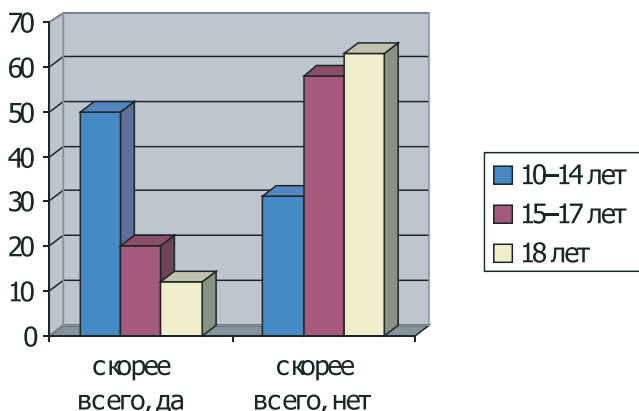
В поисках справедливости

«Искать справедливость!? Не дай бог с этим столкнуться».

(учитель средней школы)

В анкете для подростков был вопрос: *«Может ли подросток рассчитывать на честное милицмейское расследование и справедливое судебное решение?»*.

Рис. 7. Оценка подростками справедливости милицмейского расследования и судебного решения (%)

Как видно из гистограммы, представление о честности и справедливости системы правосудия среди подростков падает по мере накопления жизненного опыта. Даже среди законопослушных подростков 45% не верят в честность милиции и справедливость суда по отношению к сверстникам.

Что же думают о справедливости наши эксперты? Что вообще понимают под справедливостью правосудия те, кто профессионально связан с проблемами подростковой преступности?

Понятие справедливости оказалась наиболее сложным для большинства наших респондентов, вне зависимости от сферы их деятельности. Дать определение справедливости и сформу-

лизовать цели правосудия оказалось трудной задачей. Следует отметить, что многим респондентам сама перспектива необходимости искать справедливость представляется неприятной и опасной ситуацией.

В целом надо отметить, что взгляды на справедливость определяются ведомственной принадлежностью респондента и его социальным статусом. Создается впечатление, что сотрудники правоохранительных органов не используют понятие справедливость применительно к своей деятельности. Несмотря на то, что в статье 6 УК содержится упоминание о справедливости по отношению к осужденному, нам не встретились ссылки на закон, напротив, респонденты делали акцент на то, что это понятие находится вне правового поля.

У детей своя справедливость

Важно отметить, что эксперты разделяют справедливость для взрослых и детей. Для подростков-правонарушителей понятие справедливости должно быть свое, и справедливое правосудие должно это учитывать. Эксперты, работающие «за решеткой» (сотрудники УИН), считают, что для детей в их системе понятия справедливости не существует или это другая справедливость. В основе такой позиции находятся представления о том, что подросток не может самостоятельно возместить материальный ущерб, его наказание редко может быть пропорционально совершенному правонарушению, он сам является жертвой внешних обстоятельств в большей мере, чем взрослый.

«Я думаю, что о справедливости говорят, имея в виду взрослых: ты совершил преступление, ты должен понести наказание. А в отношении детей... Они при совершении преступления – сами пострадавшие. На мой взгляд, самые большие пострадавшие» (зам. по воспитательной работе спец. школы).

Важной задачей исследования было выявление информированности взрослых респондентов о направлениях реформирования системы правосудия в отношении несовершеннолетних. В последние годы практикующими юристами, правоведами и представителями общественных организаций вносились пред-

ложения по преобразованию существующей системы правосудия в систему «ювенальной юстиции». Несмотря на то, что в разных странах такие системы имеют свои отличительные черты, все они базируются на одном принципе: работа с несовершеннолетними правонарушителями требует иного, по сравнению с взрослыми, подхода. В конце концов, это подростки: они думают, поступают и реагируют по-другому. Методы и процедуры задержания, допроса, судебного расследования и наказания, которые могут быть применены к взрослым, для подростков не годятся.

Уголовный кодекс – негибкий документ, ориентированный на взрослых. Поэтому в конце XX века в нескольких странах появились «детские суды» со специально подготовленными судьями, чья роль заключалась не столько в том, чтобы вынести приговор, но и в том, чтобы выступить в роли «социального консультанта». Судебные процедуры были упрощены; социальные работники взяли на себя обязанность вести и направлять подростков, впервые нарушивших закон; такая мера, как тюремное заключение, по отношению к детям была отменена. В начале XXI века в Санкт-Петербурге и Саратове открылись новые «ювенальные суды», работа которых строилась на этих принципах.

Сегодня вопрос о введении ювенальных судов все еще находится на стадии обсуждения. Закон «О внесении дополнений в Федеральный конституционный закон РФ “О судебной системе Российской Федерации”», в котором говорится о создании ювенальных судов, был принят в первом чтении в 2002 г., однако не получил дальнейшего развития, что задержало рассмотрение Госдумой законопроектов «О ювенальных судах» и «Об основах системы ювенальной юстиции». Само по себе создание ювенальных судов – это только часть системы ювенальной юстиции, понимаемой более широко. За последние несколько лет в Санкт-Петербурге, Саратове и Ростове-на-Дону проводились пилотные проекты с целью создания новой профессии социальных работников, специализирующихся на работе с несовершеннолетними правонарушителями. Перед такими социальными работниками, исходя из интересов ребенка,

ставились задачи сопровождения подростков на досудебной стадии, помощи судьям в сборе информации о правонарушителе, надзора за подростком после вынесения условного приговора. Проект в Ростове-на-Дону оказался наиболее успешным. В Санкт-Петербурге и Саратове возникли проблемы, связанные с финансированием (и соответственно сохранением) службы социальных работников, определением их статуса и ведомственной принадлежности. Следует ли отнести эту службу в подчинение к судам, к одному из комитетов администрации города (если да, то к какому), к Комиссии по делам несовершеннолетних или следует создать независимую службу?

В ряде стран получил поддержку новый подход к работе с правонарушителями – восстановительное правосудие [Зер 1998; Кудрявцев 2003: 228-238]. Сохраняя идею примирения, он также включает в себя принцип признания правонарушителем своей вины и причиненного потерпевшему вреда и (там, где это возможно) достижение соглашения между сторонами об определенных «мерах», одна из которых заключается в возмещении ущерба. Пилотные проекты по подготовке специалистов по работе с правонарушителями и потерпевшими и введению соответствующих процедур проводятся и в нескольких российских регионах.

При подготовке инструментария исследования мы имели в виду три составляющие ювенальной юстиции: некоторые судебные процедуры, службу социальных работников и метод восстановительного правосудия. Мы хотели, в частности, выяснить, получили ли экспериментальные проекты с социальными работниками, проводившиеся в Петербурге и Саратове, отклик в среде специалистов, в обществе и у самих детей. Всех респондентов мы спрашивали о том, слышали ли они о таких понятиях, как ювенальная юстиция, восстановительное правосудие, помощь социального работника при суде, и если да, то из каких источников.

Результаты опроса общественного мнения показали, что лишь незначительная часть опрошенных взрослых информирована о направлениях реформирования системы. Даже среди сотрудников правоохранительных органов только ме-

нее трети опрошенных что-то знают о ювенальной юстиции. Среди подростков осведомленность на эту тему составляет не более 13%. Главным каналом информации о реформировании системы являются СМИ.

Социальный работник при суде в основном ассоциировался со службой социальной помощи населению по уходу и присмотру за нуждающимися гражданами.

Экспертная оценка экспериментов

С ходом эксперимента по участию социальных работников в суде знакомы преимущественно его непосредственные участники, все другие эксперты ничего не знают или имеют отдаленное представление – *«какие-то документы приходили», «была какая-то информация, но где – не помню», «это где-то у нас в области было».* Невысокая информированность связана в значительной степени со слабой заинтересованностью представителей правоохранительных органов в дополнительной информации или дополнительных обязанностях, их загруженностью и отсутствием приоритетов в этой области. Впрочем, наиболее значимым фактором, несомненно, является отсутствие широко распространяемой информации по проекту, публичной дискуссии, поскольку обсуждение идет лишь среди узкого круга посвященных лиц.

Подавляющее большинство наших собеседников, независимо от степени их вовлеченности и информированности, положительно оценивают идею ювенальной юстиции или некоторые ее аспекты:

«Однозначно, положительный момент, потому что, во-первых, если она распространена во всем мире, то есть давно уже известно, что несовершеннолетние сильно отличаются от взрослых, так же, как и преступники несовершеннолетние отличаются от взрослых преступников» (милиция).

«Я считаю, что проблемой преступности несовершеннолетних должны заниматься специалисты. Ну, в ювенальной юстиции, было бы неплохо, если бы были судьи, которые занимались бы только подростками. <...> Необходимо им общаться с представителями КДН, чтобы знания были не только книжные, формальные, по делам. Они должны знать реальную жизнь.

Что касается социальных работников, то я не знаю, что из этого получится. У нас совершенно разные подходы к детям» (зам. нач. ЦВИНП).

В любом случае, в основу введения особых видов работы с детьми, по мнению наших собеседников, должны быть положены узкая специализация и более высокий профессиональный уровень судей и всех специалистов, кто занимается детской преступностью, что так или иначе уже происходит в рамках существующих институтов. Эксперты также считают необходимым изменить подход к решению двух ключевых вопросов: разработке мер наказания, не связанных с лишением свободы, и обеспечению социальной реабилитации:

«Они делали акцент на ресоциализации, что нужна служба, которая потом поведет ребенка и позволит ему адаптироваться в здоровый социум, и профилактика рецидива, скажем так, направлена на профилактику рецидива» (социальный работник в суде).

Некоторые специалисты говорят о том, что сами пытаются что-то изменить:

«Мы по-своему, конечно, пытаемся что-то экспериментировать, в своем учреждении, но не так глобально, чтобы выносить куда-то, делать какие-то работы, заявления. То есть у себя-то, конечно, экспериментируем по-всякому, можем так и так, так сказать, есть такие моменты в нашей работе. Мы не просто так, что нам сказали сделать, мы так и делаем. Какие-то мы новшества вводим, бывает у нас не идут, меняем тогда» (воспитатель СИЗО).

Некоторые отмечают отсутствие поддержки сверху:

«Мы уже десять лет тишем, чтобы к нам ввели в штат единицу психолога и социального педагога, но пока безрезультатно» (зам. начальника ЦВИНП).

Многие из тех, кто хочет, чтобы ситуация изменилась, жалуются на отсутствие интереса со стороны властей. Вместе с тем они считают, что основные проблемы с ювенальной юстицией – финансовые. Власти склонны делать показательные шаги (предоставить автобус для родителей, чтобы они могли навестить детей, передать подарки в колонию для детей без попечения родителей), однако не склонны предпринимать более решительные меры. Не все эксперты высказываются в поддержку реформы. Некоторые считают, что ничего

нового в ювенальной юстиции нет, еще при советской власти было специальное указание, в рассмотрении уголовных дел несовершеннолетних принимали участие более опытные судьи, даже были обязаны, генеральный прокурор обязывал принимать участие конкретно самого прокурора, а адвокаты выделялись наиболее квалифицированные. По вопросам, связанным с примирительным правосудием, мы слышали аналогичные оценки того, что примирение сторон – это уже распространенная практика.

«Примирение сторон, это регулярно встречается, это – не новшество, это вполне существующее, <...> нормальное положение» (милиция).

Можно сделать неутешительный вывод, что даже в тех городах, где проводятся экспериментальные проекты в области ювенальной юстиции, эти вопросы все еще мало освещаются и обсуждаются как в среде специалистов, так и в местной администрации.

Часть 6

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Что делать с подростковой преступностью?

Результаты опроса выявили основные представления граждан о мерах по снижению преступности среди несовершеннолетних:

Усиление работы досуговых центров по организации свободного времени несовершеннолетних	96%
Усиление работы школ по организации досуга детей	95%
Применение более жестких мер наказания за сбыт, хранение и употребление наркотиков	89%
Осуществление государственных программ по оказанию экономической, юридической, социальной и др. помощи малоимущим и неблагополучным семьям с детьми	87%
Ужесточение контроля над родителями, которые пренебрегают своими обязанностями по воспитанию детей или злоупотребляют родительскими правами во вред детям	86%
Применение к несовершеннолетним правонарушителям вместо лишения свободы других, более мягких мер наказания, таких, как направление на общественные работы, надзор социального работника и т. п.	56%

Применение к несовершеннолетним более жестких, чем сейчас, мер наказания	44%
Узаконить продажу, распространение и употребление некоторых легких наркотиков, таких, как гашиш, марихуана и т.п.	9%

Таким образом, наряду с традиционными представлениями о мерах профилактики подростковой преступности в форме расширения досуговой деятельности, усиления борьбы с наркотиками, в общественном сознании формируются новые подходы, согласно которым необходимо смягчение мер наказания для подростков и «легализация» легких наркотиков.

Сами подростки предлагают следующие меры по снижению преступности несовершеннолетних:

Усиление работы по борьбе с наркотиками, алкоголизмом	8%
Большая помощь бедным и неблагополучным семьям	45%
Создание в школах (училищах) кружков, спортивных секций и т.п.	40%
Более жесткие наказания родителей, не заботящихся о своих детях	27%
Ужесточение мер уголовного наказания	15%
Большая загрузка уроками и доп. занятиями	11%
Смягчение мер уголовного наказания	10%
Легализация некоторых «легких» наркотиков	5%

Таким образом, в сознании детей и взрослых присутствуют два рецепта для лечения этой социальной болезни: борьба с пороками общества и инвестиции в сферу детского досуга. Бороться надо с нищетой, нерадивыми родителями, распространителями и потребителями наркотиков, а деньги необходимо вкладывать в школьные и внешкольные организации и мероприятия по занятию детей спортом, искусством, творчеством.

Смягчать меры наказания или ужесточить?

Опрос показал, что в обществе идет оживленная дискуссия об эффективности строгих наказаний для подростков. Это в первую очередь касается мер по изоляции подростка от общества. Оценка позитивных и негативных сторон пребывания несовершеннолетних преступников в колонии взрослыми респондентами представлена в табл. 2.

Таблица 2

Оценка взрослыми положительных и отрицательных сторон пребывания несовершеннолетних преступников в колониях

	Потерпевшие от несовершеннолетних взрослые	Не потерпевшие взрослые
Позитивные стороны		
Возможность окончания школы и получения профессии	36	33
Защита общества от угрозы повторных преступлений	31	25
Лечение от наркомании, алкогольных психозов	24	19
Наказание за преступление в назидание другим, восстановление справедливости	24	19
Обучение трудовым навыкам	20	20
Урок неотвратимости наказания	19	19
Изоляция подростков от неблагополучных родителей	15	18
Перевоспитание	14	19
Само наказание (лишение свободы) способствует осознанию подростком своей вины	3	13
Отрицательные стороны		
Риск заразиться опасными болезнями (туберкулез, СПИД и др.)	63	53
Включение подростка в преступный мир, высокая вероятность, что подросток станет рецидивистом	58	61
Ломка психики, характера, подавление личности	54	43
Опасность стать жертвой «тюремного» насилия со стороны заключенных и персонала колонии	51	52
Моральные страдания подростка, связанные с изоляцией от родных и друзей	15	21

Среди позитивных сторон чаще отмечали *наказание за преступление в назидание другим, восстановление справедливости, обучение трудовым навыкам*. Среди отрицательных сторон – *включение подростка в преступный мир, высокую вероятность, что подросток станет рецидивистом, и реже риск заразиться опасными болезнями*.

Выявлен значительный разброс оценок подростков. Законопослушные подростки в качестве наиболее распространенных вариантов ответов отмечали такие позитивные стороны пребывания в колонии, как *осознание вины, лечение от наркомании, алкоголизма и психических расстройств, а также возможность окончания школы и получения профессии*. Последний вариант позитивной оценки пребывания в колонии наиболее значим для подростков, состоящих на учете в милиции и условно осужденных, далее у них следуют *осознание вины и перевоспитание*. Заключенные колоний также высоко оценивают такие варианты, как *осознание вины, возможность окончания школы и перевоспитание*.

Среди негативных сторон пребывания в колонии наиболее часто законопослушные подростки отмечали *включенность в преступный мир и опасность стать жертвой насилия*. Подростки с преломленным сознанием наиболее часто отметили *ломку психики, характера, подавление личности*. Заключенные колонии чаще отмечали *напрасную потерю нескольких лет жизни*.

Что предлагают профессионалы?

1. В качестве самого первого шага наш «обобщенный эксперт» признает необходимости «понять ситуацию».

«Для того чтобы снизить уровень преступности, надо законодателям спуститься на землю и изучить проблему. Для того чтобы изменить, надо изучить <...> выявить эти причины, нужно сделать так, чтобы они повлекли именно положительные результаты, а не отрицательные» (начальник колонии).

Сегодня ни государство, ни общество не владеют достоверной аналитической информацией о реальных масштабах и тенденциях в подростковой преступности, что не позволяет выработать программу действий, адекватную ситуации. Речь идет о регулярном изучении преступности несовершеннолетних и оценке эффективности принятых мер. Нужен постоянный общероссийский межведомственный и межсекторальный мониторинг динамики подростковой преступности с единой информационно-аналитической базой. Для этого необходима поддержка исследований преступности и эффективности мер профилактики

и наказания. Следует создать систему распространения доступной информации о результатах исследований, альтернативных подходах и инновациях в профилактике подростковой преступности; нужно расширить участие практиков и экспертов в межведомственных дискуссиях по этим проблемам.

2. Второй шаг - изменение приоритетов в социальной политике государства по отношению к подросткам, что необходимо для ослабления механизма, создающего социальные условия для воспроизводства преступности несовершеннолетних. Нужно повернуться лицом к данной проблеме, как это было сделано в отношении наркопреступности. Государству надо изыскать средства на помощь семье в воспитании полноценного и жизнеспособного гражданина, на модернизацию системы образования и внешкольной работы с подростками, на нужды детского здравоохранения и т.д.

а) Эксперты сходятся на том, что инвестиции в социальную помощь семье по воспитанию детей более эффективны, чем в устранение последствий неправильного воспитания в семье посредством правоохранительной системы. Профилактика детской преступности в семье должна включать два аспекта: а) программы социальной помощи семье; б) ужесточение контроля и спроса с родителей за невыполнение своих обязанностей по отношению к ребенку.

Программы помощи семье должны строиться по принципу «социального амортизатора». В представлении экспертов идеальная семья более или менее равномерно выполняет свои обязанности по материальному обеспечению ребенка, его воспитанию, образованию, созданию благоприятной психологической атмосферы принятия и родительской любви, заботится о его здоровье и физическом развитии. В неблагополучной семье эти функции выполняются частично или практически отсутствуют, причем в каждой семье это происходит по-своему.

Общество и государство не должно заменить ребенку семью, но может отчасти компенсировать ее недостатки, выполняя роль *«социального амортизатора» для смягчения ударов судьбы по ребенку, чтобы его не выбросило из колеи нормальной жизни в преступный мир* (социолог общественной организации).

Необходима организация программ адресной поддержки семьи, социальных учреждений, ориентированных на работу с семьей, как на федеральном, так и на муниципальном уровне. В связи с этим стоит задача создания специализированной службы квалифицированных социальных работников по поддержке детей и родителей.

б) Необходимо восстановить воспитательную функцию школы и средней профессиональной системы образования. Обобщая позицию экспертов, можно сделать вывод, что все практические шаги по повышению роли школы в профилактике подростковой преступности направлены на желание переломить тенденцию утраты школой своего самостоятельного значения как института социализации и воспитания молодого поколения. Речь идет о том, что современная общеобразовательная школа превращается в институт «социального сдерживания» для неимущих социальных групп общества, с одной стороны, а с другой – в «подготовительные курсы по поступлению в вуз» для относительно материально обеспеченных семей. Ни в первом, ни во втором случае это не сдерживает подростковую преступность, а наоборот. В первом типе школ администрация заинтересована быстрее выявить проблемных учеников и избавиться от них, во втором – «тихо замять дело» и также избавиться от трудного подростка.

Эксперты выражают обеспокоенность практикой школы в ориентации на раздельное обучение «нормальных» и «проблемных» детей, которая не способствует развитию толерантности и позитивной социализации детей в современном мире, а запускает процессы стигматизации и дискриминации.

3. Третий шаг – активизация совместных действий общества и правительства на федеральном и местном уровне.

а) Преодоление «усталости от идеологии». Общество устало от интенсивного производства новых идей и их реформаторских воплощений. Ныне оно критически воспринимает любые инициативы правительства по переменам в социальной сфере. Однако для профилактики детской преступности нужна позитивная созидательная идеология восстановления нравственных устоев общества. Нужен государ-

ственный и общественный контроль над СМИ, направленный на создание нового информационного пространства, формирующего приоритеты нравственных и духовных ценностей, гражданскую позицию и т.п. Следует инициировать широкое обсуждение вопроса о «цензуре в СМИ», не противоречащей конституционной свободе слова и демократизации общества. Телеканалы, контролируемые государством, должны показать пример заботы о подрастающем поколении путем ограничения показа сцен убийств, насилия, жестокости, разврата, некоторых видов рекламной продукции, например рекламы пива с участием молодежи, которая провоцирует пивной алкоголизм среди подростков.

б) Мобилизация общественности и бизнеса для обеспечения негосударственных социальных профилактических программ материальными, организационными и человеческими ресурсами, чтобы компенсировать и восполнить недостатки государственных ведомств и институтов по сокращению роста преступности несовершеннолетних, снизить уровень общественного инфантилизма и социального иждивенчества граждан в социальной сфере.

4. Четвертый шаг связан с разработкой новой идеологии, увязывающей в единое целое весь процесс работы в подростками, склонными к совершению правонарушений, состоящими на учете, осужденными за преступление, отбывающими наказание и теми, кто освобожден из мест лишения свободы. Эта работа должна начинаться с внутришкольного учета и заканчиваться в реабилитационных службах воспитательных колоний и по месту прибытия подростка после освобождения. Предстоит переосмыслить задачи по воспитанию нового поколения, которые сегодня общество ставит перед школой и системой правосудия без учета специфики методов их работы и задач, которые решают эти ведомства. Такой недифференцированный подход создает препятствия для межведомственного взаимодействия и формирования общей системы профилактики преступности несовершеннолетних.

Даже если существенно улучшить финансирование ведомств и повысить зарплату учителям и сотрудникам УВД,

это не изменит коренным образом положение дел с подростковой преступностью. Хотя без этого ситуация будет только быстрее ухудшаться из-за оттока квалифицированных кадров и невозможности найти им полноценную замену.

«И чистота кадров, приток кадров во всей системе, это самая главная проблема. Заработная плата, которая позволит обновить наш состав» (начальник колонии).

Материалы исследования говорят о том, что количественный рост новых структурных подразделений не принесет результата без четкого определения их места и роли в правоохранительной системе в целом. Например, предлагается создать или усилить психологические службы отделов по предупреждению правонарушений несовершеннолетних (далее - ОППН), СИЗО и в воспитательных колониях. При районных судах также рекомендуют сформировать психологическую службу, в функции которой могла бы входить не только психологическая оценка личности подростков, обвиняемых в преступлениях, но и их адаптация к особенностям судебного процесса. Однако это не принесет ощутимого эффекта без четкого разделения задач между подразделениями, ответственными за работу с несовершеннолетними правонарушителями, для избежания ненужного дублирования и нестыковок с целями и задачами самих подразделений.

Нужны решительные меры. Может быть, следует из ПДН сформировать новую самостоятельную социально-психологическую службу по работе с несовершеннолетними, а КДН сделать серьезным властным полномочным центром по координации всей работы с подростками на свободе, в местах заключения и выходящими на свободу из спец. учреждений. Нужно снабдить «новую» КДН необходимыми ресурсами, штатом специалистов по работе с детьми. Ввести в школу должность «классной дамы», ответственной только за воспитание.

Необходимо переосмыслить роль и методы системы правосудия для детей. Исследование показало, что далеко не все эксперты знакомы с основными идеями ювенальной юстиции, такими как отдельные суды для несовершеннолетних, более простая судебная процедура ведения дел несовершеннолетних в целях снижения ее затянутости и громоздкости, особенно в

случаях, когда обвиняемые признают свою вину; использование примирения и принципа восстановительного правосудия. Не так много экспертов сегодня выступают за внедрение «новой» системы ювенальной юстиции, т.к. видят, что большинство реформ последних лет не принесли заметных улучшений. Это еще раз подтверждает важность системного подхода – не только к правосудию как системе, но и его взаимодействию с обществом в целом. Опыт показывает, что нельзя проводить «реформы» в одной части общества без понимания последствий этих перемен для других его частей.

Поэтому мы рекомендуем широкое обсуждение концепции ювенальной юстиции, включая роль социальных работников при судах и практику восстановительного правосудия.

В заключение обращаем внимание на несколько самых больших вопросов, которые звучали как со стороны противников «ювенальной юстиции», так и со стороны ее сторонников.

а) нужна специализация судей, работающих с несовершеннолетними, и гуманизация судебного процесса. Необходимо изменение практики проведения самого суда, отмена клеток и наручников для несовершеннолетних.

«Что еще очень важно, это конечно все-таки профессиональный уровень всех судей. Зачастую судьи не обладают никакими педагогическими знаниями, подростки жмутся, боятся, а судьи это совсем не учитывают, видят, а им дела никакого до этого нет. Да и судьи зачастую не обладают хорошими юридическими знаниями» (адвокат).

б) развитие альтернативных форм наказания несовершеннолетних правонарушителей. Увеличение количества мер, которыми мог бы воспользоваться судья (кроме лишения свободы и условного осуждения) в соответствии со ст. 88, 90 УПК РФ. Следует заменить существующую систему условного наказания реальными альтернативами – от probation [Криминология: 584-585] до общественных работ, подкрепив их созданием дееспособной инфраструктуры с квалифицированными социальными работниками и инспекторами.

в) создание центров социальной адаптации, где могла бы проходить работа с подростком. Надо сформировать сеть реабилитационных центров для подростков, освободившихся

из мест лишения свободы. Работа с несовершеннолетними правонарушителями должна быть построена таким образом, чтобы процесс реабилитации начинался уже в колонии. Одновременно нужно укрепить социальную защиту подростков и молодежи. Например, развивать службы трудоустройства для несовершеннолетних, социальные центры для молодежи. Необходимо пересмотреть в целом политику интеграции проблемных детей в общество. Без этого все эти меры останутся только на бумаге.

Вместо послесловия

Оригинальность исследовательского проекта, краткие итоги которого изложены в предлагаемой брошюре, – изучение *общественного мнения* о подростковой преступности. Это ограничение необходимо учитывать каждый раз, обращаясь к полученным результатам. Авторы не преследовали цель выяснить реальную картину преступности несовершеннолетних и выявить факторы, на нее влияющие (это не под силу и многочисленным научным коллективам). Ценность данного исследования состоит в том, что на примере трех российских регионов было установлено, как воспринимается подростковая преступность населением, сотрудниками правоохранительных органов, родителями, подростками (как «законопослушными», так и попавшими в систему уголовной юстиции), а также как видятся опрошенными «причины» преступности несовершеннолетних и меры по ее сокращению. И эта «информация к размышлению» оказалась чрезвычайно интересной.

Получение достоверных данных о преступности вообще или каком-то ее виде (например, подростковой) – сложная общемировая проблема. Не случайно каждый учебник криминологии – науки о преступности – включает главу «измерение преступности». Это связано с высокой ее латентностью: регистрируется и попадает в статистические сведения лишь незначительная часть совершенных преступлений. Во многих странах (Великобритания, США и др.) пробелы уголовной статистики отчасти дополняются данными виктимологических опросов, т.е. репрезентативных опросов населения в целях выявления реальных жертв преступлений, а также анонимными «самоотчетами» (self-report) граждан о совершенных ими преступлениях. В России отсутствуют такие общенациональные исследования (региональные, например в Санкт-Петербурге, проводятся от случая к случаю). Тем интереснее выявить мнение населения и профессионалов.

Как явствует результатов исследования, наблюдаются существенные расхождения между общественным мнением о преступности несовершеннолетних и данными официальной статистики: все категории

опрошенных считают, что за последние годы эта преступность выросла, а согласно статистике – сократилась. Более того, доля зарегистрированных преступлений несовершеннолетних в общем объеме всех преступлений за пятнадцать лет снизилась почти в два раза. Кто же «прав» в оценке реальной ситуации – общественное мнение или уголовная статистика? Думается, что вполне «правых» нет. Статистические данные явно занижены в силу высокой и постоянно растущей латентности (неучтенности) преступлений [Гаврилов 2001; Гилинский 2002; Лунеев 1997 и др.]. Общественное же мнение обычно преувеличивает размеры подростковой, да и взрослой преступности по принципу «у страха глаза велики», а по С.Коэну – в силу «моральной паники» [Cohen 1973], значительную роль в которой играют СМИ.

И российские респонденты – как население, так и эксперты – называют телевидение, а отчасти и прессу главными источниками информации о преступности. Ясно, что потоки криминальной телевизионной хроники не могут не сказаться на самочувствии телезрителей – большинства населения. Вместе с тем не следует преувеличивать «криминогенное» влияние СМИ. Многочисленны призывы «навести порядок», ограничить свободу СМИ в демонстрации криминальных сюжетов и т.п. С моей точки зрения, отечественные СМИ, прежде всего – телевидение, действительно злоупотребляют «боевиками» и документальными кадрами с потоками крови, сценами насилия. Однако, во-первых, разумная «самоцензура», нравственная ответственность за содержание материалов должны стать заботой самих журналистов. Во-вторых, за беспокойством о «нравственности» нередко стоит желание максимально ограничить свободу СМИ. Ибо кто может быть безупречным судьей, определяя, «что такое хорошо и что такое плохо»? В-третьих, подростки иногда воспринимают лишь внешние атрибуты преступного мира. Но не это является источником преступного поведения. Наконец, в-четвертых, многочисленные мировые исследования влияния СМИ на криминальное поведение людей и прежде всего подростков дают противоречивые результаты (См., например [Криминология 2003]).

Печальными, с моей точки зрения, явились результаты исследования, фиксирующие недостаточный профессионализм и информированность экспертов – работников правоохранительных органов. Об этом свидетельствуют и разброс в оценке некоторых характеристик, и признание самих экспертов в недостаточной информированности, и банальный набор называемых «причин» преступности несовершеннолетних – дефекты семейного воспитания, утрата школой воспитательных функций, алкоголь и наркотики, бедность или богатство родителей. Хотя каждое из этих (и многих других) обстоятельств является «криминогенным», однако важнее выявить ведущие, наиболее значимые факторы, определить их «вес» (роль) в «причинном комплексе». Впрочем, с моей точки зрения, вообще нельзя говорить о «причинах» преступности («фактор» является более корректным понятием). Во-первых, пре-

ступность – социальный конструкт, а потому его единственная «причина» – воля законодателя (отмените уголовный закон, и с преступностью будет «покончено»). Во-вторых, уголовный закон превращает в преступления столь разнообразные деяния (убийство и незаконная рубка деревьев, терроризм и незаконное предпринимательство, кража и воспрепятствование осуществлению права на свободу совести), что у них в принципе не может быть общей «причины». В-третьих, под воздействием одних и тех же «причин» (конфликтная родительская семья, недостатки школьного воспитания, материальное неблагополучие и др.), как говорил один из отечественных авторов, «трое – свихнутся, трое – сопьются, трое – удавятся, а один авось да выдюжит, и получится из него – Достоевский» [Бородай 1975: 182]. Да и многовековая история криминологии свидетельствует о бесперспективности поиска «причин» преступности и только преступности (иначе они давно были бы обнаружены, и не надо было бы вновь и вновь их искать).

Очень интересны и неоднозначны результаты изучения мнения всех категорий опрошенных лиц о путях и средствах сокращения преступности несовершеннолетних. С одной стороны, во многом сохраняются представления о необходимости применения «более жестких мер» наказания за преступления несовершеннолетних (44% опрошенных), за сбыт, хранение и употребление (!) наркотиков (89%). С другой стороны, все больше людей, как среди населения, так и среди практических работников милиции и уголовной юстиции, начинают осознавать бесперспективность карательных, репрессивных мер и «голосуют» за совершенствование системы профилактики, неприменение к несовершеннолетним лишения свободы, за разделение общей и ювенальной юстиции. Должен признаться, что меня удивил и порадовал этот прогресс общественного мнения. Другое дело, что представления о реальных путях эффективного социального контроля над подростковой преступностью еще весьма абстрактны. Многие разумные предложения (восстановление воспитательной функции школы, расширение работы досуговых центров, изменение приоритетов социальной политики государства, усиление психологической службы в пенитенциарных учреждениях для несовершеннолетних и т.п.) оторваны от реальной действительности, финансовых и кадровых возможностей. Более того, законопроекты последнего времени, частично уже принятые Государственной думой в первом чтении, имеют прямо противоположную направленность: резкое сокращение всех видов социальной помощи и льгот подросткам и их семьям. После этого вряд ли следует удивляться возможному дальнейшему ухудшению криминальной ситуации в целом и росту подростковой преступности в частности.

Мало кто из опрошенных (даже среди сотрудников правоохранительных органов – менее одной трети) имеет достаточную информацию о таких направлениях сокращения подростковой преступности, как ювенальная юстиция, восстановительная юстиция (*restorative justice*), про-

бация («испытание», probation). Однако само по себе понимание проблемы и основной стратегии профилактики подростковой преступности (приоритет социальных задач перед собственно репрессивными, карательными) является бесспорно положительным фактором.

Остается добавить, что мировая и отечественная криминология выделяет три уровня превенции (профилактики) преступности и иных нежелательных для общества явлений (пьянство, наркотизм и др.): первичная (или общесоциальная) профилактика, вторичная (или специальная) и третичная (или индивидуальная) [Гилинский 2002: 345–354; Гилинский 2004: 455–467]. Очевидно, применительно к этим трем уровням должна программироваться и деятельность по предупреждению, сокращению подростковой преступности. При этом, с моей точки зрения, приоритетным является обеспечение наиболее существенных, базовых направлений первичной (общесоциальной) превенции (фактическое соблюдение основных прав человека; обеспечение его безопасности; предоставление каждому реальных возможностей удовлетворять потребность в творчестве, самоутверждении; сокращение чрезмерного разрыва между материальной обеспеченностью сверхбогатого меньшинства и полунизищего большинства). Без этого трудно рассчитывать на успех других хотя и очень важных, но воистину вторичных и третичных мер. Ибо состояние преступности, наркотизма, пьянства, самоубийств существенно зависит от степени респонсивности общества (А.Этциони), т.е. его способности обеспечивать витальные, социальные, духовные потребности человека.

Я.И.Гилинский

Библиография

- Бородай Ю.** Психоанализ и «массовое искусство» // «Массовая культура» – иллюзии и действительность. М., 1975.
- Гаврилов Б.Я.** Способна ли российская статистика о преступности стать реальной // Государство и право. 2001. 1. С. 47–62.
- Гилинский Я.И.** Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб.: Питер, 2002.
- Гилинский Я.И.** Девиантология. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
- Голод С.И.** Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. 2006. 3–4.
- Голод С.И.** Семья и брак: Историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998.
- Зер Х.** Восстановительное правосудие. М.: Центр судебно-правовой реформы, 1998.
- Криминология** / Под. ред. Джозефа Ф.Шелли. 3 изд. СПб.: Питер, 2003.
- Кудрявцев В.Н.** Стратегии борьбы с преступностью. М.: Юристъ, 2003.
- Лунеев В.В.** Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. М.: Норма, 1997.
- Мертон Р.** Социология преступности. М.: Прогресс, 1996.
- Cohen S.** Folk Devils and Moral Panics. St.Albans: Paladin, 1973.